

ЗВЕЗДЫ «МЛЕЧНОГО ПУТИ»

.Юрий КЕМИСТ

ТРИ ВЫБОРА

**Иерусалим
2011**

Юрий Кемист

Три выбора

«Млечный путь»

2011

Кемист Ю.

Три выбора / Ю. Кемист — «Млечный путь», 2011

Три карты... Германн. Три кварка для мистера Марка... Гелл-Манн. «Три выбора»... Кемист. Криминал, квантовая механика, коммерсантский триллер... Всё это читатель найдет в сюжетах трех историй из жизни российской коммерческой фирмы на стыке «лихих девяностых» и «стабильных нулевых». Что объединяет этот «интеллектуальный винегрет» и держит повествование в захватывающем русле? Вот мнения читателей. • «насыщенность текста мыслью... читается каждое предложение», • «текст пленяет следованием той известной заповеди, которая предписывает нам всем хлеб свой получать в поте лица, а отнюдь не в вольной праздности», • «сам я бреду на ощупь, обнаруживая у себя ошибки и несоответствия, и посторонний читатель не может легко бежать по моим следам». Разнообразие миров многомирия очевидно, но о том, насколько эта ожидаемость оказывается неожиданной в конкретном сюжете, может правильно судить только читатель, попробовавший его на вкус. Как говорит М. Жванецкий: давайте говорить о вкусе ананаса с тем, кто его пробовал...

Содержание

От автора	5
Первое Дело вкуса,	7
Часть 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Юрий Кемист

Три выбора

*Я сам собираюсь
Роман написать –
Большущий!
И с первой страницы
Героев начну
Ремеслу обучать
И сам помаленьку учиться.*

М. Светлов

От автора

Роман, который вы собираетесь прочитать, является художественным произведением в том смысле, что описанные в нем события, имея отношение к авторскому жизненному опыту, тем не менее, ни в коем случае не описывают каких-либо событий документально, а потому все коллизии, факты, характеристики персонажей в мире романа могут восприниматься только как «художественные образы», а всякие текстуальные совпадения и различия с общепринятой лексикой «нашего» мира, особенно в именах собственных, топонимах, торговых марках и научно-технической терминологии, являются сугубо случайными и непреднамеренными. То же относится и к хронологии и датам. Но не следует относиться к предлагаемому тексту как к художественному в смысле принадлежности его к бытовым, любовным, детективным, фантастическим, криптоисторическим, альтернативно-историческим и прочим литературным жанрам. Это роман эвереттический.

Что следует понимать под таким определением, может быть интуитивно понятно для читателя, который знаком с эвереттикой. Но и для такого читателя, не избалованного обилием эвереттической литературы, как показывает мой опыт, предупреждение об эвереттском характере текста будет не лишним. А всякий, кто сталкивается с этим понятием впервые, я надеюсь, поймёт его в «правильном ключе» после завершения чтения.

Может быть, правильному настрою читателя поможет отсылка к опыту освоения некоторых «ментальных миров» таких великих интуитивно-эвереттических мастеров, как Х.Л. Борхес («Сад расходящихся тропок»), Д. Джойс («Улисс»), М. Булгаков («Мастер и Маргарита»), В. Набоков («Ада или радости страсти») или Х. Ван Зайчик (серия романов об Ордуси). Разумеется, это перечисление – не линейка с делениями, которой можно измерить художественные достоинства предлагаемого романа и не претензия автора встать в один ряд со знаменитыми писателями. Скорее, это указатель той библиотечной полки, которая скоро появится – «Эвереттическая литература». Цитаты из этих произведений вмонтированы в текст романа без ссылок.

Роман – это не научная монография, поэтому и стихотворные эпиграфы из произведений Алигер, Антокольского, Апухтина, Ахмадулиной, Баркова, Батюшкова, Бродского, Винокурова, Вишневского, Вознесенского, Востокова, Вяземского, Гамзатова, Гнедича, Державина, Добролюбова, Долматовского, Евтушенко, Ершова, Жигулина, Карамзина, Курочкина, Луколина, Майкова, Мандельштама, Масюкова, Матвеевой, Михайлова, Мориц, Мятлева, Надсона, Никитина, Пастернака, Плещеева, Полежаева, Полонского, Радищева, Рождественского, Самойлова, Сельвинского, Смелякова, Сумарокова, Татарникова, Твардовского, Трефолева, Тургенева, Филатова, Хлебникова также не персонифицированы, но эти поэтические цитаты выделены курсивом, и за точность их воспроизведения я готов нести ответственность в соот-

ветствии с действующим законодательством о правилах использования интеллектуальной собственности.

Не исключаю, что о мирах, в которых волею судеб мне довелось побывать и описать в романе, найдутся и другие свидетельства очевидцев и участников событий. А альтерверс умеет, как оказалось, много гитик...

Ю. Кемист

Первое Дело вкуса, или что может быть, если выпить утром чашку чая

*«Я бреду сквозь самого себя, встречая
разбойников, призраков, великанов,
стариков, юношей, жен, вдов,
братьев по духу,
но всякий раз встречая самого себя...»
Джек Джайс, «Улус»*

Часть 1

Утренний морок

Василий Васильевич был благодушен и расслабленно откинулся в своем любимом кресле перед рабочим столом, стоящим у дальней стены его обширного кабинета.

Слева, за широким окном, раскинулась панорама Моквы-реки с фигурками одетых в голубые комбинезоны рыбаков. На ее прозрачном льду, сквозь который просвечивала темно-красная вода, освещенные ярким синим солнцем, они смотрелись очень красиво.

Справа, у стены, стоял внушительных размеров шкаф, журнальный столик и два кресла.

Я сидел перед Василием Васильевичем в кресле «для гостей».

Василий Васильевич улыбнулся, одновременно виновато и залихватски, как-то особенно приветливо посмотрел на меня, и вдруг предложил:

– А не выкурить ли нам по трубочке, как в добрые старые времена? У меня тут в шкафу припрятана одна «старая итальянка», а Вы уж свою английскую просите об одолжении.

Он поднялся из кресла и подошел к шкафу. Дверцы слегка уперлись, но поддались его усилиям и обе одновременно распахнулись, открыв обширное отделение, в котором на аккуратных плечиках висели три костюма – фланелевый, твидовый и габардиновый.

Василий Васильевич недоуменно посмотрел на содержимое шкафа, потом вопросительно и озадаченно – на меня.

– Что это, Игорь Петрович? Откуда здесь чужие вещи? До сих пор я был хозяином в этом кабинете! И все, что здесь появлялось и делалось, было обусловлено только моей волей!

Он резко закрыл одну дверцу. Возникший при этом порыв воздуха ударил в висевшие на вешалках костюмы, и сквозь проем открытой дверцы было видно, как они чуть шевельнули рукавами, будто делая отмашку, и Василий Васильевич, побледнев, начал оседать на пол...

Глава 1

Об особенностях утреннего пробуждения, цвете Государственного флага, Амгарских проблемах, учебном плане «коммерческих студентов», выборе чая в качестве базового напитка на завтрак, а также об ассоциациях, связанных с запахом кофе.

*Уж зимний день глядел из тусклого окна,
Но убаюканный вагон не просыпался...*

Я очень не люблю первые полчаса после пробуждения. Каждый раз, осознав, что я проснулся, я с неприязнью жду включения в жизнь. И с неизбежным раздражением отслеживаю работу какого-то внутреннего оператора.

Он коммутирует связи в блоках памяти, отключая линии сновидений и включая воспоминания о самых близких, о прошедшем дне, об имени первой учительницы, о законе Фарадея, о цветах нашего государственного флага – знаменитом «белоризе» – бело-риново-зеленом триколоре. Никак, кстати, не могу запомнить, что символизируют его цвета – белый, кажется, достоинство и верность, риновый – цвет неба в ясный день, зеленый – цвет крови и прекрасного цветка. Или я что-то путаю? А оператор продолжает свою работу, начиная мой мозг тем, что составляет мое индивидуальное «Я» в этом мире.

У него нелегкая задача и совсем немного времени. Прошло уже 15 минут его работы, а «вагон» всё «не просыпался». Но пока не стоит волноваться – он ещё должен не забыть о моих сегодняшних планах и обязательствах, и о том, что я люблю и что ненавижу.

Иногда он ошибается, и предвкушение, например, сегодняшней зарплаты, оказывается подключенным раньше, чем мысль о том, что она будет зависеть от успеха телефонного разговора с Амгарском. А если точнее – от того, успела ли уже сернистая нефть, которую были вынуждены принять амгарцы из-за каких-то проблем с ее отгрузкой через Дальний Восток великоханьцам, достаточно сильно изгадить их технологию. Достаточно для того, что «Юкоси» будет вынужден купить у нас монометиламин – высокооктановую добавку к бензину...

Раздраженный и все еще «неподключенный», я сую ноги в тапочки и бреду на кухню. В мойке стоит полупрозрачная кружка ночного цвета, на плите – еще не успевшая остыть оранжевая, медленно наливающаяся красным оттенком, кастрюля с вареным проделом для Джима, на столе – пустая коробочка из-под биотворожка «Активия».

Понятно... У Нателлы сегодня первая пара и она уже уехала (а давление в шинах проверила?..) в свой «университет», еще полгода назад бывший просто «институтом холодных мальчиков», учить «коммерческих студентов» применению принципа Паули и правила Гунда для описания порядка заполнения атомных орбиталей. Очень, конечно, нужная информация из квантовой механики для будущих «менеджеров рынка химической продукции»... Но их учебный план – дело святое и обсуждать его негоже, тем более мне и сейчас.

Руки, никак не связанные с текущими в голове мыслями и действиями внутреннего оператора, включают кнопку электрического чайника (я купил первый такой лет семь назад по совету шефа, в ту пору мною бесконечно уважаемого и безусловного авторитета почти во всех делах, включая и вопросы оптимизации быта), открывают дверцу кухонного шкафа, достают коробку пакетиков чая, за которой прячется в шкафу банка кофе «Чибо», сахар, любимую черную кружку, привезенную в подарок из Лондона, вынимают из холодильника пару творожных сырков «32 коровы».

Так... Сколько кофе сыпать? Две ложки или две с половиной? Это уже какая-то мысль из пробуждающегося сознания пытается вмешаться в работу рук. Но она не успевает – в кружку уже бухнулся пакетик чая и ложка сахарного песка. Это, конечно, «ошибка коммутации» – я хотел кофе... Но раз так получилось – выпью сегодня чаю. В конце концов – невелика разница!

Со щелчком прекращается бульканье закипевшего чайника и гаснет зеленая лампочка в его ручке (именно это преимущество современных чайников – самоотключение при закипании – открытое мне шефом, и подвигло меня купить такой во времена, когда верхом удобства у нас считались чайники «со свистком») и ало-оранжевая струя кипятка льется в кружку. Вот так, попопнее, что б не было «недолива», который я очень не люблю, хотя полную кружку успеваю выпить далеко не всегда...

Пока руки размешивают ароматный напиток (я всегда пью чай с бергамотом) и разрывают фольгированную пленку сырков, в голове успевает наладиться достаточно контактов, чтобы начать планировать ближайшее будущее. Но терпкий запах бергамотового чая, вместо ожидавшегося запаха кофе, почему-то вызывает в памяти вчерашнюю встречу с представителем одной из конкурирующих с нами фирм на рынке этих самых высокооктановых добавок.

Рынок, честно говоря, небольшой и конкуренты на нем знают друг друга и «в лицо», и «заподлицо». Конечно, взаимоотношения далеки от идиллии, но все-таки как-то устоялись и даже без формального «картельного соглашения» (хотя и есть что-то подобное...) все друг друга «понимают» и на «чужие делянки» стараются не лезть. Хотя, что считать чужим... Да и ставки порой столь высоки, что «деловая жадность» превозмогает чувства приличия и добрососедства.

За копейку, разумеется, никто никого не удавит, а вот за миллион «лысых стариков»... Удавливают редко (я такого, пожалуй, с определенностью и не припомню), но кусают здорово – и палец, и руку «по локоть», откусить могут запросто. Как сейчас, в связи с амгарской ситуацией...

В фирме, представитель которой вчера «заглянул к нам на огонек», тоже, разумеется, знают, что «Юкоси» был вынужден направить в Амгарск сернистую нефть, понимают, что это приведет и проблемам с коррозией и к ухудшению работы катализатора. А потому выход бензина с хорошим октаном неизбежно упадет. А контракты у Амгаска серьезные, и «Юкоси» – фирма солидная, мирового уровня, срывов поставок или ухудшения качества допустить не может.

Вот почему вокруг Амгарского нефтеперерабатывающего завода, как воронье над полем битвы, начинают кружиться поставщики высокооктановых добавок – наши «заклятые друзья и коллеги». Они терпеливо ждут, когда амгарских технологов «прижмет» и можно будет поднять цену до максимума. Спешить тут нельзя – утопающий хватается за соломинку (надеется на опыт своих специалистов и на традиционное «авось») – и в этот момент отталкивает руку спасителя, справедливо полагая, что, выбравшись из беды самостоятельно, лучше сохранит свой кошелек от опустошения. Но ведь и опоздать опасно!

Пожадничаешь в цене, «пережмешь» ситуацию – упустишь контракт. Кто-то более решительный (и менее жадный!) предложит товар раньше тебя и чуть-чуть, но дешевле, чем хотел предложить ты, и... прощай вожделенная бумага с названием твоей фирмы в первом абзаце и с печатью синатого цвета и реквизитами банка-плательщика в твой адрес в последнем!

А такого большого и платежеспособного потребителя пойдешь, поищи! (Да, собственно, давно хожено и давно выяснено, что нет больше такого). И вместо подписания контракта на поставку... эх, мечтать, так мечтать! – 10 железнодорожных цистерн хоть и вонючего, но лично для тебя родного, а для покупателя – желанного (хоть и дорогого...) монометиламина и последующего «приятного отдыха» в новой, построенной «Юкоси» шикарной амгарской гостинице с рестораном, где байбальский омуль и салат из папоротника и кедровых орешков так хороши под рюмку «Росского стандарта», будешь метаться по захолустным нефтебазам, где распальцованные бодяжники бывают иногда готовы прикупить бочку-другую твоей чудо-добавки (а на их языке – «вонючки»), чтобы «коктейль» из отбракованного на фирменных НПЗ бензина и ослиной мочи хоть как-то походил на настоящий 92 бензин. И неважно, что он только «похож» на настоящий, главное, что от него двигатели местных ЗИЛков хоть и выхаркивают черные едкие клубы дыма, но тянут их нагруженные «вагонкой» кузова от пилорамы до стройки очередного «бумгала» местного авторитета...

И будут тебе в башкирской глубинке подавать «салат по-моковски» под майонезом «Кальве», сделанным там же из просроченного «Провансаля», а закусывать ты им будешь «фирменную» водку «Вольный башкыр» – настойку местных трав на контрабандном спирте.

Ассоциация, возникшая при взгляде на стоявшую передо мной на кухонном столе кружку с чаем, была не случайной – «внутренний оператор» уже успел подключить блок памяти о вчерашнем дне и произошедшей встрече с «конкУрентом», как он шутливо называл себя.

Приехал он, разумеется, «понюхать воздух» относительно наших контактов с Амгарском, но говорил, конечно же, о перспективах нового способа переработки отходящих газов.

И возникла она потому, что Елена Петровна, услышав по линии громкой связи с кабинетом (каковая – как всем было прекрасно известно! – используется нашим, как и всяким другим начальником, и для «обратного процесса» прослушки болтовни нерадивых сотрудников) спокойный и интеллигентный голос шефа: «Два кофе, пожалуйста!» (только себе и гостю – так у нас заведено изначально) побежала за водой.

Я сам сидел в кабинете и слушал вялые рассуждения гостя – представительного, но какого-то «профессионально бесцветного» мужчины в дорогом светло-сером фланелевом костюме. Начал он с заверения о готовности к сотрудничеству с нами и обмену полезной информацией о положении с очисткой выбросов везде, где стоит эта проблема. «В Даргомьжске, Волглом, Каппелевце...», – перечислял он ключевые в нашем бизнесе названия городов, отслеживая реакцию шефа на название каждого из них.

Я же выполнял обычное задание шефа – со стороны следил за смыслом разговора, отмечая реакцию собеседников на вопросы друг друга. Реакция шефа на это перечисление была совершенно правильной – нулевой. И здесь гость «ненавязчиво» перешел к главной цели своего визита, сокрушенно сказав:

– Да вот хоть бы, к примеру, в том же Амгарске, на Байбале... Загрязняют ведь нашу национальную жемчужину природы!

И, как бы между прочим, «в порядке светской болтовни», спросил:

– А вы давненько там бывали?

По интонации нельзя было понять, говорит ли он «Вы» лично шефу, или «вы», имея в виду нас как фирму. Он, скорее всего, думал по второму варианту. Но шеф нарочно «услышал» его обращение в первом, и этак вежливо-равнодушно ответил:

– Да я лично уж лет двадцать как...

Этот ответ не прояснил гостю ситуацию, и он продолжил разведку под прикрытием «культурного разговора»:

– А «ваши» – те, кто ездил туда недавно – не говорили о том, что там памятник Колчаку решили поставить?

– А «мои» так далеко не ездят, а летают, когда это бывает нужно по делам, – мгновенно поняв смысл этой «культурной болтовни» ответил шеф. – Но у меня с Амгарском дел пока никаких нет, а на памятники смотреть в рабочее время и за мой счет я сотрудникам не позволяю, – поставил он точку в этом вопросе и перешел в контрнаступление, поинтересовавшись, какими технологиями очистки газа – «мокрыми» или «сухими» – занимается фирма гостя?

Вопрос о нашем присутствии в Амгарске хотя и остался для гостя не вполне ясным, но больше не поднимался. А ведь ответ на него был дан в свойственной шефу манере – «для умного слушателя». Мелькнувшее в ответе слово «пока» было ключевым во всей этой беседе. Если гость достаточно проницателен, он поймет, что мы, как серьезная фирма, разумеется, работаем с Амгарском, но до заключения договора дело не дошло. А когда дойдет – не говорите, что мы скрывали от вас свои интересы на АМЗ. Если же пропустит смысл этого маленького словечка – шеф тем более чист. А у нашего шефа есть привычка к чистоплотности в бизнесе.

Как раз после этого он и заказал кофе, поскольку дальнейший разговор уже действительно превратился в «светскую болтовню», в ходе которой гость отметил и солидную профессиональную охрану на входе, которая «только кажется добродушно-приветливой, а на самом деле бдит неусыпно и своего не проморгает», хороший евроремонт на этаже – «солидно выгля-

дит, молодцы хозяева», и даже милость наших женщин – успел-таки заметить за ту минуту, пока раздевался в общей комнате! От Василия Карпыча Старовыйного, нашего общего партнера, привет передал да посетовал, что сам его давно не видел...

В этой беседе и я принял активное участие, пытаясь направить ее все-таки в профессиональную сферу и интересуясь у гостя «коэффициентами абсорбционной емкости растворителей» и «кратностью циркуляции основного контура», на что отвечал он, как и положено для такого «разведчика», вполне невразумительно.

Поэтому я не мог видеть, как Елена Петровна включила кофеварку, используемую именно для подобных случаев приготовления кофе визитерам (сами-то мы пьем растворимый – каждый из своей банки и своего любимого сорта), не слышал, как она сказала с досадой, но удовлетворенно: «Вот, блин, хорошо, что только две. Как раз кончается пачка...».

Дверь во время разговора была, конечно, закрыта, но каким-то верхним нюхом я уловил запах «Мокко с амаретто», когда Елена Петровна начала наливать свежесваренный кофе в простые, но изящные белые чашки с синим золотым ободком... И понял я тогда, что это хорошо, и запал мне этот запах в душу, поскольку алкал я в этот момент табачной улады, а она, с проникшим в кабинет запахом, только обострилась и, видимо, настолько крепко зафиксировалась в блоках моих неосуществленных мечтаний эта связка кофейного и табачного запахов, что сейчас, при сбое утренней коммутации, и послужила причиной кухонных грез...

Я потянулся к пачке табака, но внутри раздался ещё один шелчок внутренней коммутации, взгляд упал на часы, и я поспешно занялся одеванием «приличной» тройки, галстука и с вечера начищенных ботинок.

Эх, опять не допил кружку...

Глава 2

О дороге «от дома до работы», ее летнем и зимнем облике, причинах возникновения легенды о «дикости» рассеян, о роли бабушек-пенсионерок и своры одичавших собак в городском благоустройстве, а также о предметах вороньего беспокойства.

*Воздвигла дивный мост, посеяла цветы,
Ручьями скрасила вертеп и лес дремучий
И на пути твоём сокрыла терн колючий...*

Дорога до работы у меня и не длинная, и приятная – десять минут пешком по тропиночке с видом на «дивный мост», которая уже через две-три минуты спокойной ходьбы от дверей подъезда, этих непредсказуемых стражей начал и окончаний всякого пути оседлого, но свободного человека, отделяется от асфальтового тротуара и пролегает по лужку и даже перелеску вдоль набережной Моквы-реки...

Травка фиолетовенькая, синенькие пуговки «дед-и-внученьки», пчёлки с сине-коричневыми брюшками, разноцветные бабочки – от роскошных фосфоресцирующих в тени бело-риновых капустниц, веселеньких неоловых шоколадниц до рядовых блекло-риновых, с синатовыми кружками на концах крыльев «павлимиглазок», которые порхают в столь живописных темно-фиолетовых с неоловым на солнце блеском лопухах, что не потратить две минуты на их фотографирование – преступление перед художественным началом в человеке.

Но это – летом. А сегодня дети уже не пишут писем Деду Морозу в Великий Устюг (а особенно продвинутые еще и на аглицком – для подстраховки – и Санта-Клаусу в Чукляндию), а с нетерпением ждут от него заказанных подарков. И ждут, кстати, напрасно – ночной сне-

гопад нарушил транспортные связи не только с Лапландией, но и с соседними улицами – и придется мне идти по заснеженной целине, рискуя проморозить ноги настолько, что в пред-рассветной зимней темноте сквозь обычную сетку сосудов станут просвечивать косточки пальцевых фаланг.

Если, конечно, кто-то не протоптал стезжку и добежать удастся быстро, позволив морозу сделать доступными для досужих взглядов только натруженные пятки, да любимый мозоль на мизинце правой ноги...

Вот, кстати, любопытная мысль! Ведь во времена не столь отдаленные, наши прадеды и прабабки вовсе не видели ничего удивительного в «шутках зимы», когда не только «натруженные пятки», но и более высоко расположенные части тела в крепкий мороз становились доступными взгляду.

Но со стремительным нарастанием интеграции культур изменились взгляды на «приличие», и в нашем «образованном обществе» возобладала французо-испанская пуританская мораль.

Им, жителям теплых стран, попадавшим в Рассею зимой, казалось диким, что у ямщика, например, долго сидящего на облучке в лютый мороз, сквозь его мешковатые одежды начинала явственно просвечивать его «афедрон»! А бедные лошади!

Ворона ли, рыжая, соловая, гнедая, караковая, буланая, игрневая, а хоть и чалая, саврасая, мышастая, каурая – да пусть даже пегая или чубарая! – все эти летние красавицы превращались на лютых расейских морозах в грязно-зеленые плетенки кровеносных сосудов, через которые можно было разглядеть их мощные кости и огромные желудки, заполненные тускло светящимся перевариваемым сеном. Более того, уже переваренное в желудке содержимое их кишечника – «строительный материал» конских яблок, усеивающих проезжие улицы – также не составляло секрета для любопытствующего взора.

«Что натурой дадено – не зазорно!» – говаривали изумленным иностранцам привычные к таким зрелищам аборигены.

И вот эта разница восприятий ямщиковой филейной части равнодушных к подобной картине расеев и шокированных её «неприличностью» гостей из теплого средиземноморья, и породила «у цивилизованных народов» легенду о «дикости» расеев.

Согласно этой легенде, вместе с пресловутыми белыми, с кровавой прозеленью, медведями, зимой по расейским городам и весям гуляют и «голоюрюе» ямщики.

А позже, когда высший свет в Рассее стал более «французским», нежели «нижегородским», когда правила приличия подрастающему поколению преподавались французскими гувернерами и гувернантками, у наших образованных людей сформировался европейский взгляд и на особенности расейского климата, и на правила поведения «воспитанного человека» зимой.

Помните, у Пушкинова, в его бессмертном «Евгении О’Негине»:

Мусье l’Abbe, француз убогой,
Что б не измучилось дитя,
Учил его всему шутя.
Не докучал моралью строгой,
Слегка за шалости бранил,
Но в летний сад гулять водил...

Заметьте эту тонкость – французский воспитатель хотя и учил «всему шутя», но понимал предел приличия в шутках и водил отданного ему на воспитание барчука на прогулки именно в летний, а отнюдь не в зимний сад!

О зимних прогулках – разговор особый. И их церемонии ни мы сейчас касаться не будем, ни Поэт не решился обсуждать их публично. Однако он дает нам весьма прозрачный намек на причины этого – воспитатель юного Евгения хотя за шалости и бранил его, «но» (именно «но» здесь ключевое слово пушкинского намека!) «в летний сад» все-таки водил его на прогулку. Летняя фиолетовость листвы, классические скульптуры, прилично одетая публика – все это хорошие воспитательные факторы.

А вот зима! Зимой старичок-француз не делал этого именно потому, что хотя он и «не докучал моралью строгой», но уж элементарным «правилам приличия» научить ребенка должен был! А о каком приличии с французской точки зрения могла идти речь в зимнем саду, где могла встретиться и какая-нибудь хорошенькая... А у неё... Ну, в общем, понятно...

Но сейчас эти литературные мысли в голове сменились на более прагматические. И я, как юная барышня, мысленно обрывал лепестки ромашки от ее ярко-синей сердцевинки и гадал: «протоптал» – «не протоптал»? Имелось в виду состояние тропинки, по которой мне предстояло идти.

Гадание закончилось на мажорной ноте – а, скорее всего, и протоптал! Пенсионеры-уборщицы приходят раньше нас, «фирмачей». Здание института, где мы арендуем две с половиной комнаты для офиса – огромное, всё-таки НИИМотопром! И помещений в нем очень много. Чистота в этих помещениях теперь блюдет не упованиями институтского «зама по хозяйственной части», а уборщицами, нанятыми самими арендаторами. Как правило, из числа живущих неподалеку интеллигентных пенсионеров, еще недавно возглавлявших отделы этого самого НИИ. И «трудящихся бабушек» оказывается изрядное количество – протопнут они тропинку!

Это предсказание внутреннего голоса оказалось точным – от официального тротуара ответвлялась вполне оформленная тропинка, начало которой было положено даже не пенсионерами, а стаей бродячих собак. Для них этот «лужок» и этот «перелесок» были не элементами ландшафта, а столь же необходимыми и неизбежными частями пространства, как для меня – паркетные плоскости пути из библиотеки на кухню, а стволы деревьев и пучки ветвистых кустов – столь же привычными, как миска для Джимовой каши или штaketина, оставшаяся в углу после прошлогоднего ремонта.

И не надо сравнивать, чье пространство – моё или бродячих собак – более «цивилизовано» и приспособлено к существованию. Ни я, ни они не смогли бы «нормально жить» на чужом пространстве. «У каждого – свой дурман». Мы – разные ветви на древе жизни, у нас разное представление о том, что хорошо, и что плохо, но все-таки мы – ветви единого древа.

И Джим, который по воле судеб является связующим звеном между нами, в квартире тоскует по вольной гульбе вместе с той лохматой сукой, а на улице, едва справив естественные нужды, как только мороз проявит косточки кончика его хвоста, рвет поводок, устремляясь домой, на свой матрасик, где в тепле и одиночестве сможет спокойно догрызть найденную под окнами кость...

После стаи одичавших собак, были, естественно, и стайки полупроснувшихся владельцев породистых представителей этого племени вместе с выгуливающими их догами, бульдогами, овчарками и прочими мелкими терьерами. Были и предсказанные мною «бабушки», и энтузиасты-трудоголики, почти не уступившие «бабушкам» по времени выхода на дистанцию.

А вот теперь, по утопанной и спрямленной дорожке, к козырьку института поспешал и я, успевший все-таки пару раз «щелкнуть» быстрозамерзающим затвором своей «мыльницы» больших и важных ворон (а точнее – их «ожившие» и деятельные на морозе скелеты), что-то добывающих себе на завтрак из-под ещё мягкого и рыхлого снега. Эти живые картинки из анатомических атласов пернатых внимательно и подозрительно при этом оглядывали округу, опасаясь нападения кошек, мальчишек и собак и без всякого страха, но, на всякий случай настроенно оглядывавших и меня. (Наличие у меня фотоаппарата, как предмета неясной целевой

ориентации, и подозрительные с их прагматической точки зрения мои маневры руками, сопровождавшиеся и вовсе глупыми действиями снятия и надевания перчаток в ходе манипуляций с загадочной мыльницей, вполне оправдывало их настороженность).

На стоящего у входа худющего охранника в черной форменной куртке класса «ватник», замерзшего настолько, что стали видны его ребра и искривленный позвоночник, вороны внимания не обращали. И я последовал их примеру...

Глава 3

Об особенностях зимней рыбалки, трудолюбии Ильи Стефановича, его рассказе про жадность Даргомьжских пожарных, тракторке Хоружим одного мнения Аристотеля, а также мои соображения о роли женщин в жизни Ильи Стефановича.

*Сей дряни входа нет в опрятные дома,
А разве в грязную и подлую конуру,
Где производишь ты свою литературу.*

После подъема на скоростном лифте на 4 этаж (излишняя, конечно, роскошь для обитателей этого уровня, но вполне разумная для их коллег, с помощью той кабины добравшихся до своего 25), я прошел через холл, поздоровался и поболтал с «секьюрити», крепким круглолицым мужиком с открытой улыбкой и профессиональной цепкостью взгляда, которого знал только по имени – Борис.

Он в прошлый раз говорил, что собирается на рыбалку, и я с интересом выслушал его отчет о пешеходной прогулке на 5 километров по настоящей снежной целине, о способах бурения лунок, о характере окуневого клева, о типах и нормах расхода согревающих жидкостей и многом другом, что сопровождает процесс ужения рыбы зимой на подмоковых озерах.

Он и назавтра собирался куда-то под Тулу (там были плохо охраняемые пруды рыбхозьяства какого-то обанкротившегося колхоза, которые не спустили на зиму по причине царившего там бардака и в которых жировали «во-о-от такие!» карпы) и потому попросил меня посмотреть в Интернете прогноз погоды.

Компьютера на вахте не было – этой приметы современности дежурный был лишен. Администрация считала, что и старенький телевизор «Фотон», украшавший ещё лет 20 назад кабинет начальника их ведомственного пионерского лагеря – излишняя роскошь для охранников. Но снисходительно прощала себе эту слабость по отношению к «часовым своих границ».

А Борис, щеголяя своим знакомством с французским языком, частенько приговаривал: «В век компьютеров „Фотон“ – безусловно, мове тон». Но, как и все другие охранники, воздавал общению с этим аппаратом должное – смотрел все подряд... Напомнив ему о том, что прогноз ещё не раз передадут «по ящику», я, тем не менее, обещал «для надежности» заглянуть и в Интернет.

За этим разговором он, вероятно, забыл сунуть мне «на подпись» свой рабочий журнал, в котором я, как приходящий первым, должен был расписаться в графе «Помещение вскрыто и снято с охраны», взять опечатанную банку с ключами и ими открыть дверь офиса. Однако ключи у каждого из нас, работников фирмы, были свои, а «официальные», хранящиеся на вахте, были просто элементом того карнавального обряда нашей «охраны», за который мы платили арендатору отдельные деньги по отдельному договору. Бог с ним – невелик грех, расписется Лидия Федотовна, обычно приходящая мне во след!

А от поста охраны до нашей двери лишь чуть подальше, чем от кладовки до туалета в оставленном мною на Джимово попечение пространстве квартиры. Так что на этом пути неожиданности возникнуть просто не успевают.

Замок пискнул, и тяжелая металлическая дверь производства не Солнцеградского завода металлоизделий, а импортная, сделанная там, где руки слесарей и сварщиков растут из нужного места, солидно, но легко повернулась на хорошо подогнанных петлях.

Дверь впустила меня внутрь – не «в грязную и подлую конуру», как это наверняка было бы при использовании изделия Солнцеградского завода, а в нашу светлую офисную комнату. К моему удивлению, сегодня я не был её первооткрывателем. (Так вот почему мне не досталось права поставить автограф в журнале охраны!).

В комнате уже сидел с холодно-равнодушным выражением на хорошо выбритом лице Илья Стефанович и лениво перебирал клавиатуру своего компьютера. Сетка его лицевых капилляров уже не светилась, а, значит, он сидел здесь достаточно долго и успел согреться.

Я слегка растерялся и не успел осознать причину этого несколько странного «трудового порыва» Ильи – обычно он вбегает в комнату или за две минуты до того, как по характерному щелчку в аппаратах «громкой связи» мы узнаём, что шеф приступил к работе и уясняет для себя обстановку в рабочей комнате, или через пять минут после этого с причитаниями о том, что вот опять на кольце пробка, что из-за гололеда он «чуть не въехал в морду „Мерсебеса“, который не удержался на повороте, и что вообще „никто его не любит, и каждый норовит обидеть...“».

А Илья не дал мне времени для сосредоточения – его холодное равнодушие быстро трансформировалось в чуть слишком приторно-радостное, он поднялся (почти вскочил!) и, встав в характерную позу из кинофильма «Кинь! Да? Да!», весело воскликнул:

– Игорь Петрович! Наше Вам Ку!

– Спасибо, Илья Стефанович!

– Ну, «спасибо» на стол не поставишь и в стакан не нальешь, – начал он традиционный балаган, который любил разыгрывать, находясь в хорошем или, наоборот, дурном, но деятельном настроении.

– А что, уже и налить нечего? Сочувствую, но терпеть недолго – сегодня ведь будет зарплата! – пытаюсь попасть в нужный тон, говорю я.

– Кому бублик, а кому – дырка от бублика, – произнес в ответ Илья.

И добавил, уже без тени веселья и ерничества:

– Я тут вычитал у одного когда-то «не нашего» умницы, что будущее каждый миг является перед нами как бесконечность ветвящихся возможностей. А какая бесконечность скрыта в этой самой дырке от бублика? И ведь все действительно хотят обидеть и на твоём горбу в рай въехать...

– Что-то случилось в Даргомыжске? Не берут бензол? – я уже понимаю причину его уныния и расстраиваюсь сам, поскольку в день зарплаты такие новости не радуют шефа.

– Хм... Не берут... Все не так просто, Игорь Петрович! Они-то бы взяли, кто ж от хорошего сырья да жирного кэша отказывается! Станция закрылась! – вдруг сообщает мне сенсационное известие Илья.

– Как закрылась? Для кого закрылась? Помнится, там начальником ваш человек, вы с ним и «на грудь» немало приняли, да и конвертов он после ваших визитов получил столько, что может писчебумажную торговлю открывать! Неужели для вас он не может в качестве исключения принять пару цистерн бензола даже на укороченной из-за ремонта сортировочной ветке? – я говорю все это, и вправду не понимая, как может не принять нашего груза станция, с начальником которой «дружит» сам Илья Стефанович!

– При чем тут ремонт? Станция не принимает горючих грузов по причине «внеплановой реконструкции противопожарного обеспечения инженерных сооружений». Вот, полюбуй-

тес, – и Илья сунул мне какую-то «портянку» – длинную бумажную ленту от факсового аппарата, на которой под заголовком «Извещение о временном прекращении приема грузов» была изображена какая-то то ли схема, то ли карта и шел текст «Договора об оказании услуг по транспортировке горючих грузов».

– А на самом деле пожарные на них наехали, – сказал он и, постепенно возбуждаясь, продолжил изложение подробностей:

– Пришли в очередной раз с «плановой проверкой», коньячок, по такому случаю выставленный станционным начальником (настоящий, между прочим «Ахзинулля», знаю этот обычай Михалыча не по наслышке) выпили, икоркой закусили (и этот продукт оказался в холодильнике станционного буфета, хотя никаких грузов с Дальнего Востока станция уже лет 10 как не получает), конвертики без марок и обратного адреса в карманы пораспихали... А потом ещё и в долю с каждой принятой станцией цистерны запросились!

Михалыч им и говорит: «Побойтесь Бога, сукины дети! Вы ж пожарники, а не работники избирательного штаба по перевыборам Курнасмехова президентом нашей республики. Ну, черт с вами – берите ещё по три штуки и гуляйте по Канарам в нейлоновых трусах...». А они обиделись и уперлись («пожарниками» их обозвали, видите ли...) – и ни в какую! Долю им подавай, а не то... Ну, и не договорились... Дураки на букву «мэ»!

Теперь станция закрыта, её начальник, Михалыч, ревет белугой в своем кабинете, объясняясь по телефону и лично с отправителями и получателями грузов, а пожарные третий день проверяют напор мотопомпы и тоже ревут – обедают в станционном буфете при пустом практически его холодильнике да ещё за свой счет!.. Короче, чем дальше в лес, тем злее партизаны, – завершил он изложение фактов.

– Я вот сейчас звонил, – закончил свой монолог Илья уже отчетом о предпринятых им мерах, – мне даргомыжские и говорят, что раньше, чем через неделю станция не откроется...

– Да, дела-а... – только и смог протянуть я в ответ на ильевские новости.

А он раздумчиво произнес, обращаясь скорее к себе, чем ко мне:

– А в Рязани ждать не будут, и правильно поступят – свой карман всегда надежней, чем даже счет в «Сбербанке». И уедет наш бензол куда-нибудь в Волглый – там ребята оборотистые и при бабках. Заплатят и авансом, вперед за пару цистерн.

И зло добавил:

– А я останусь только при зарплате в варианте «эконом» – что б штаны не упали...

Илья Стефанович замолчал и снова его пальцы опустились на клавиатуру. Искал он в Интернете, разумеется, не новых покупателей рязанского бензола, а новые сайты знакомств – обычное его занятие между короткими периодами действительно хваткой и продуктивной работы.

Я подумал, что Илья сейчас блестяще применил ко мне один методический прием из рекомендуемой в бизнесе тактики поведения – «больше плачь и сокрушайся, не хвались, а приbedняйся» и ведь я на него почти попался!

Осознав это, я спросил:

– А вы знаете, что советует в подобных случаях Хоружий?

Илья помолчал и было видно, что в нем борются два желания – признаться, что об этом самом Хоружем он ничего не знает, или всё-таки блефовать. Победил блеф.

– Нет, не помню, – сказал он с интересом.

– Хоружий, – я принял его игру и не стал объяснять, почему интересно мнение какого-то Хоружего, – советует воспользоваться «опытом Аристотеля», а именно зажать полученную зарплату между двумя скрещенными пальцами. Тогда покажется, что она удвоилась.

Илья усмехнулся:

– Это не я должен делать, а продавец нового цифровика на 10 мегапикселей, который я хочу купить... Да ведь он наверняка не знает ни об опыте Аристотеля, ни о том, что я хочу, чтобы он его повторил именно с моими деньгами!

И снова повернулся к экрану компьютера.

Его усилий, подкрепленных цепкой памятью и природной расчетливостью, обычно хватало для ведения текущих дел. Если же возникали неожиданности, типа той, которую он мне только что описал, то предпочитал он в такие минуты прежде всего испытанный и надежный инструмент – философскую бритву Оккама собственной заточки: «Новых сущностей не выдумывай и действуй, помня – люди злы, но любят лесть и деньги». И потому первые же его предложения по решению проблем были самые простые и «верные».

Во-первых – лично высказать и зримо продемонстрировать в обаятельной столичной манере «свое ку» тому человеку, у которого в кармане авторучка, подписывающая нужные документы, а в руках телефонная трубка, передающая исполнителям нужные тебе распоряжения.

Приветствуется и наличие во рту этого человека парочки золотых фикс, столь ярко блестящих во время проводимого им личного разноса (с разбрызгиванием слюны, разумеется) твоего обидчика и дурака низового звена, который не понял всей прелести приватности «деловых отношений» и давящегося в ходе этого разноса в кабинете своим молчанием...

Во-вторых (а по времени лучше бы и во-первых!) – разместить у этого человека рядом с его авторучкой простой бумажный конверт без каких-либо реквизитов, конверт достаточно толстый, чтобы обладатель авторучки ощущал его присутствие как приятную тяжесть в близком к сердцу кармане своего дорогого пиджака, но и гораздо более легкий, чем невесомая почти бумажка-платежка с указанием суммы уплаченных нами штрафов и пеней – возможных убытков от действий упрямого дурака низового звена.

Считал Илья Стефанович в уме быстро, людей умел взвешивать мгновенно и определять их «вес» с точностью до почти невесомой копейки, так что реализация этих его предложений очень часто оказывалась вполне успешной.

Но случались и нестандартные ситуации, как, например, сейчас на станции «Дерневка» («Дурнёвка» в фонетической транскрипции Ильи Стефановича) под Даргомыжском, когда по логике жизни такого «нужного человека» просто не оказалось, все там были известного сорта «чудаки», и в таких случаях Илья просто терялся, как теряется ребенок, когда очевидно сладкая и всегда желанная конфета оказывается источником нестерпимой зубной боли.

И Илья «по-ребячьи» вовлекал в свои заморочки всех, кто хоть как-то мог ему помочь и до кого он мог в данный момент «дотянуться», При этом действовал он с таким жалостным видом и столь искренно обещал «век не забыть» своего благодетеля, что люди помогали ему с полной отдачей, забывая в этот момент все «прошлые разы», когда столь же искренние обещания «не забыть», испарялись через мгновение после того, как нависшая над Ильей беда миновала.

Я думаю, что успех приносила Илье именно эта искренняя «детскость» его поведения, когда беда заставляет прижаться к материнской юбке в поисках защиты и участия, но едва «гром отгремит», о проявленной «слабости» для дальнейшего «достойного настоящего мужчины» существования следовало как можно скорее забыть.

И помогали-то ему чаще всего именно женщины (и на работе, и, насколько я могу судить, «в личной жизни») – у них просто срабатывал материнский инстинкт, и они с пониманием детской психологии прощали ему последующую дерзость и грубость.

У нас это относится, прежде всего, к Татьяне Борисовне – «бизнес-вумен» от Бога и «наивной авантюристке» в делах житейских, и Лидии Федотовне, женщине жалостливой и доброй, а в своей работе – маркетинге – совершенно мастерски умевшей «дожать» самую малую зацепку и найти ценный плод на, казалось бы, паханном-перепаханном другими поле. А полу-

чалось у нее все просто потому, что кроме умения не упустить удачу, была она неутомимой труженицей и действительно не боялась получить мозоли на пальцах, крутя телефонный диск...

Глава 4

О Лидии Федотовне, ее муже, дачных цветочках, происхождении слова «лоллард» и виде из нашего окна, а также о технике разговора с клиентами и кипячения воды в образцовом исполнении Лидии Федотовны.

*Вот, сказал мне Аполлон,
Я даю тебе ту лиру,
Коей нежный, звучный тон
Может быть приятен миру.*

Дверь снова пискнула и впустила в комнату «легкую на помине» Лидию Федотовну – даму внешне солидную и даже респектабельную, но по мелькавшим порой в ее глазах «чертикам» легко было понять, что и она «себе на уме», и не стоит верить ее внешности больше, чем внешности любой опытной женщины, т. е. ровно настолько, чтобы легко поддерживать с ней «светскую болтовню», но ни в коем случае не раскрываться – наивность такого поведения наказывается быстро и болезненно...

Она повесила свое «сильно укороченное» морозом пальто с воротником из хорошей норки (или чернобурки? – совсем я ничего в мехах не понимаю...) на крючок стоящей перед дверью вешалки и направилась к своему рабочему столу.

– Ой, мальчики! Ну, прямо еле дошла! А мой Митюня ещё мне утром и говорит: «Отдохнула бы, мать!»... А ещё поезд в тоннеле остановился и минут десять стоял... И ведь ничего по радио не говорили! Я, конечно, понимаю – у него, у поезда, может, и радио не работает, там уж всё разваливается от старости... Конечно, роздал этот пьяница Кельцин всё «своим да нашим», а теперь – с кого спросишь? С Пушкинова? Раньше хоть пожаловаться можно было в милицию, а теперь кругом одни бандюки и воры!

Я не понял, почему при остановке поезда метро нужно жаловаться в милицию, зачем бандюкам и ворах гнилая проводка вагонной связи, и при чем тут президент Кельцин, но спорить не стал – знаю ведь, что после того, как её Митюня, простой электрик в хозяйственной службе Верховного Совета при Хамбулатове, просидел под обстрелом в подвале Белого Дома почти сутки и выбрался оттуда с не самыми лучшими воспоминаниями о «культуре речи и бытового поведения» омонцовцев, «зачищавших» эти подвалы после штурма, Лидия Федотовна решила для себя, что во всем виноват пьяница (но, по недоразумению, и Президент!) Кельцин и команда его «дерьмократов в розовых штанишках». Убеждение это вошло в ее сознание столь прочно, что с годами уже и не менялось...

– Ну, да ладно! Что о них говорить!.. У них – свои розарии на дачах, а у нас – своя картошка в огороде... А, кстати, как тут наши цветочки поживают?

Лидия Федотовна ревниво следила за какими-то цветами, стоявшими на наших подоконниках, и поливала их по утрам перед началом рабочего дня. Она внимательно вгляделась в какую-то почку на толстом стволе, и погладила темно-фиолетовые глянцево-листья фикуса, а потом сказала мечтательно:

– Вот настанет лето!.. У меня на даче и розы, и маргаритки, и цинии...

Её мечты прервал язвительный Илья:

– Как Вы сказали? Циники? Это точно – любят циники срывать цветочки и у Розы, и у Маргариты...

– Да ну вас! – рассердилась Лидия Федотовна. Вечно у вас, Илья Стефанович, одно и то же на уме!.. Не циники я сказала, а цинии! И вообще, хватит прохлаждаться, работать надо – сегодня ведь зарплата...

Лидия Федотовна села за свой стол в углу комнаты, у окна, на кресло, которое было отрегулировано по ее росту еще в момент его доставки, но она каждый раз с утра примеривалась и садилась с опаской – не подменил ли его этот шутник Илья, и не крутил ли он регулировку? Сегодня все было в порядке.

А Илья Стефанович, который вечно искал гармонию дурашливости и глубины и почти никогда не находивший ее, впадая в каждую из крайностей с периодичностью маятника, рассудительно произнес:

– Э, нет, Лидия Федотовна, не скажите! Сегодня у нас с вами на уме одно и то же – сколько лысорозовых лоллардов будет в конвертике?

– Не в «конвертике», а в «конвертиках», – выпуская коготки, царапнула его Лидия Федотовна. Но, не желая «обострять», она примирительно и смиренно улыбнулась. Однако, всё-таки не удержалась и добавила:

– Разные у нас с вами конвертики, Илья Стефанович, разные... Смотрите, не перепутайте – пожалеете!

– А, кстати, вы знаете, откуда пошло это выражение? – обратился Илья уже ко мне, оставив в покое Лидию Федотовну, поскольку и не ожидал получить от нее ответа на свой вопрос.

Она тоже сочла разговор исчерпанным, достала свою кружку (держала ее в столе отдельно от других) и пошла за водой, даже не проверив, есть ли она в «общественном чайнике». Чайник ее не интересовал «принципиально», потому что «эта грязнуля Елена Петровна там давно лягушек развела».

– Не знаю, Илья Стефанович, – честно признался я.

Довольный тем, что после поражения с Хоружим «уел» меня по «интеллектуальному вопросу», Илья Стефанович рассудительно изложил почерпнутые им откуда-то действительно весьма любопытные сведения.

Оказывается, ещё у какого-то то ли английского, то ли ирландского классика начала XVII века в полузабытом ныне, а тогда, как сказали бы сегодня, «культовом» в Америке романе, была такая малопонятная фраза:

«С задумчивой бороды на язвительный череп переходил его взгляд, дабы напомнить, дабы по-доброму упрекнуть, переместившись затем к тыкве лысорозового лолларда, подозреваемого невинно».

И вот переселенцы, которые, естественно, в культуре были полностью зависимы от метрополии, но всегда хотели как-то выделиться из нее, именно этого «лысорозового» и увидели в своем тогдашнем президенте, поскольку в романе об этом лолларде было сказано: «У него было на добрую деньги ума».

Так попал на готовившиеся первые банкноты Демократических Штатов Америки «лысорозовый» Президент и непонятный, но звучный «лоллард» украсил вид новой валюты молодой страны.

История мне понравилась, и я сказал, что не откажусь изучить лысину как можно подробнее на как можно большем числе примеров, т. е. экземпляров.

Мы немножко поспорили с Ильей – о каком из американских Президентов здесь идет речь – действительно лысом Уошингтоне, прикрывающем на однололлардовой купюре свою лысину париком, или о Франкеле со 100-лоллардовой банкноты, наоборот, выпячивающим начинающуюся лысину? Сошлись на втором варианте и пожелали друг другу вечером изучить как можно больше портретов этого физика.

Вернувшись с полной кружкой воды, Лидия Федотовна поискала глазами какую-нибудь бумажку, чтобы подстелить ее на подоконник, где она кипятила воду для утреннего чая. На

глаза ей попалась та самая «портянка» из Даргомыжска, которую сунул мне Илья. Я ее бросил на тумбочку, где у нас лежат «ненужные бумаги» для черновиков.

Лидия Федотовна положила ее на подоконник, поставила на нее кружку, и включила кипятильник. Предосторожность оказалась не лишней – выплеснувшаяся при погружении кипятильника вода потекла по факсовой бумаге, размывая ее текст – «Извещение о долговременном перерыве в сортировке некоторых категорий грузов» и расположенную под ним картинку с изображением хопра-вагона и железнодорожной платформы, в которую и уперлась вытекающая струйка, не добравшись до текста следовавших сразу после картинки «Правил перевозки грузов по железным дорогам РФ».

Равнодушно скользнув взглядом по этой лужице, Лидия Федотовна стала рассматривать величественный индустриальный пейзаж за окном, включавший в себя широкую панораму заснеженной набережной Моквы-реки с неброскими, но графически выразительными силуэтами небольших лип, посаженных вдоль солидного, но не помпезного чугунного ограждения темно-красной воды, просвечивавшей сквозь нетолстый лед.

Она заметила на льду множество ярких фигурок рыбаков в голубых комбинезонах, по оранжевому цвету лиц которых легко было понять – они не чувствовали никакого холода. Вероятно, столь любезная ее сердцу совковая милиция, во время?но должна была бы похватать их всех без разбора за явное, легко обнаруживаемое и на глаз, по цвету, без всяких там «химических трубочек», нарушение запрета на употребление крепких спиртных напитков в общественных местах и за «самовольный лов с целью обогащения».

Но сегодняшняя милиция спокойно ехала вдоль цепочки этих нарушителей по набережной на полученном от гнивающего Запада «по линии технического сотрудничества» то ли «Морде», то ли «Мерсебесе» (плохо я разбираюсь в марках иномарок, навонивших наши улицы). И никак она не реагировала ни на это вопиющее нарушение норм капиталистической морали (рыба-то действительно и жирела и мутировала на отходах муниципального хозяйства, тайно сбрасываемых в реку), ни на попрание «Правил безопасного поведения на водах». А ведь лед был настолько тонок, что почти не скрывал рисунка водоворотов, крутившихся в виде маслянисто-красных спиралей нечистой воды, нагретой за счет тех же тайных сбросов до нескольких градусов Кельция. (Выше нуля, разумеется).

Решетка ограждения ровной линией тянулась от поворота русла под железнодорожный мост до красавца-метромоста (построенного, кстати, женщиной-архитектором «посу» – русло реки пустили под мост только после завершения его строительства). Прерывалась она только в том месте, где в нее врезался какой-то молодой лихач, мчавшийся ночью с перпендикулярной улицы и бывший в таком алкогольном градусе, что не заметил «прямо по курсу» даже светящейся ленты Моквы-реки.

На противоположном берегу, просвечивая сквозь морозную дымку, красовались относительно новые (что там десять лет для расейского завода!) ринового цвета корпуса сборочных цехов автогиганта и живописные, высоченные, нагретые, как это обыкновенно и бывает зимой, до красного свечения трубы, из которых столбом в чистое фиолетовое небо поднимался ярко-красный пар тамошней ТЭЦ.

Все это Лидия Федотовна наблюдала, ожидая, пока опущенный в кружку кипятильник не нагреет воду до ярко-красного цвета и она не закипит, выбрасывая лопающиеся пузыри горячего оранжевого пара. В этот момент кипятильник следовало отключить.

Для этого снова нужно было лезть под стол, потому что «этот несносный мальчишка» – «Бурый» – никак не купит («за общественный счет», разумеется) нормального удлинителя для ее кипятильника и не подключит его к розетке.

Сергей Иванович («Бурый», как называли мы его между собой) был «восходящей звездой» нашей фирмы, раньше он занимался вместе с основной работой и мелкими хозяйственными делами, а теперь, «набравшись опыта», переходил на «крупняк» и хозяйственную мело-

чекву постепенно сбрасывал с себя. Но Лидия Федотовна ещё не до конца осознала его новое положение и по старой памяти теребила по пустякам.

А «Бурым» прозвал его шеф за хваткость в делах и странный цвет купленного им первого автомобиля.

Отсутствие же удлинителя справедливо расценивалось Лидией Федотовной как небрежение к ее заслугам перед фирмой и неуважение к возрасту. (Хотя последнее соображение по понятным причинам и не озвучивалось никогда, но всегда присутствовало в ее внутреннем анализе расклада сил и влияний, на основании которого она и вела себя).

Заварив чай, Лидия Федотовна начала листать свои записки в старой, потрепанной тетради, ценность оперативной информации в которой была столь велика, что берегла она ее «как зеницу ока» и спасала в первую очередь.

Однажды, например, возникла угроза «наезда налоговиков». Это был тот редкий случай, когда для фирмы возникла неожиданная внешняя угроза.

Обычно «волчий нюх» шефа чувствовал даже тень опасности задолго до того, как она появлялась на горизонте и он успевал принять эффективные меры для того, чтобы рассеять эту тень. О многом подобном мы даже и не догадывались. А потому легкомысленно относили к чудачествам шефа его требования к уборке письменных столов, просмотру своих личных рабочих тетрадей, пресечению «лишних» телефонных разговоров и т. п. Не приведи Господь, если он вдруг увидит, что ты выбросил в урну, не разорвав в мелкие клочки какой-то листок, на котором были записи, касающиеся технико-экономических обоснований наших схем или – что вообще грозило «тройным расстрелом на месте»! – расчетов каких-то кэшей.

Так вот, тогда, когда редкая тень все-таки накрыла «наше гнездо», шеф приказал срочно уничтожить все старые бумаги – черновики договоров, письма с заводов, рабочие ТЭО по разным схемам сделок. И Лидия Федотовна вместе со всеми «рвала и метала» старые папки и документы, но... предварительно спрятав в сумочку эту заветную тетрадь! И, уходя в отпуск (внук, дачные проблемы...), с большой неохотой оставляла этот потрепанный раритет своей временной преемнице – молоденькой, но явно «перспективной» девочке по имени Анечка, недавно присмотренной шефом с подачи Ильи.

Помнится, что пришла к нам Анечка не одна, а с подругой Оленькой. Но после первого же производственного совещания Оля в ужасе убежала, а Анечка пришла снова. И теперь время от времени шеф приглашает ее «на подмену» очередной «кадровой отпускнуце». Но так все и не решится предложить ей «руку и сердце» постоянного места. А Анечка ждет этого. И, думается, не напрасно – дождется. Такие лисоньки как Анечка просто так хвостом не крутят...

Через две минуты сосредоточенного листания тетрадки, в руках у Лидии Федотовны уже была телефонная трубка, и она проникновенно кого-то убеждала («нежный, звучный тон»):

– Да что вы! Это самая лучшая добавка! И октан поднимает и не густеет на морозе!.. Да вот наши представители к вам приедут, и всё разъяснят... Конечно, взаимовыгодно... И регулярно... И с руководством побеседуют... И с вами лично!.. Конечно, лично!.. Вот приедут и всё разъяснят... Когда позвонить? Через пару недель? И сколько возьмете? Ах, только бензовоз...

И уже более холодно, с оттенком брезгливой усталости от разговора с мелким, но претенциозным клиентом, добавила:

– А, может быть, вы к нам подъедете?

И, выслушав какую-то довольно длинную тираду, совсем равнодушно завершила разговор:

– Ну, хорошо, договорились...

Трубка легла на корпус аппарата и Лидия Федотовна вздохнула, и произнесла, ни к кому особенно не обращаясь, а так, чтобы выговориться:

– Опять только через две недели... Да понятно, что сейчас зима и бензин их паленый никто не берет... Вот были б мы на границе с Закраиной, – вдруг мечтательно произнесла она, –

да стоял бы сейчас март, а даже лучше – апрель, когда у них начинается «битва за урожай»... Только бы свистели бензовозы по просёлкам вокруг этих их «погранпостов» опереточных! А так... В карман, конечно, каждому охота положить, но за что им платить?! И берут-то какой-то один паршивый бензовоз на 5 тонн, а ещё кочевряжатся – «Посмотрим, как пойдет... Пусть представители привезут пробу литров в двадцать... Поговорим лично... Для одного процента с каждой тонны уж пустой карман в пиджачишке отыщем...». А что тут может быть «личного» с пяти-то тонн?! Одних командировочных сколько уйдет (это она «о фирме заботится», надеется, что именно сейчас микрофон «общей связи» на прослушку переключен). Да что говорить, воры и хапуги везде...

И закончила своей любимой присказкой:

– Уж если Президент у нас такой, то что с людей спрашивать...

И она снова зашелестела тетрадными страницами с адресами и телефонами известных ей нефтебаз, и снова трубка оказалась в ее руках, и опять голос наполнился медоточивой фальшивостью, которую она считает необходимым атрибутом «приличной» деловой беседы и почему-то столь легко принимаемой ее многочисленными невидимыми собеседниками именно за эталон:

– Я вам звонила 13 декабря... Вы обещали... Ну, конечно, и личная встреча! Сколько? ... Сначала 25 тонн на пробу?! А, может, сразу цистерночку, хоть бы и маленькую, тонн на 40–50? Конечно, приедут! И все привезут!.. И разъяснят!.. Ах, через десять дней... Хорошо, спасибо, до свидания...

Глава 5

О коварстве зеленой коробочки, появлении Елены Петровны, «тройном диалоге» открытым текстом, дизайне нашей курительной площадки, а также о моих муках служебного творчества.

*Возвышенная мысль достойной хочет брони
Богиня строгая – ей нужен пьедестал,
И храм, и жертвенник, и лира, и кимвал,
И песни сладкие, и волны благовоний...*

Стоящая на столе зеленая коробочка «селекторной связи с кабинетом» зашелестела, затрещала, и из неё раздался голос шефа:

– А где у нас Елена Никоновна?

Я инстинктивно дернулся, но быстро успел сообразить, что это относится не ко мне (никак не могу привыкнуть, что стоящая у меня на столе коробочка – это только элемент громкой связи «для всех», и по большей части выбрасываемые ею слова ко мне лично отношения не имеют и никакой реакции от меня не требуются).

Дернулась и Елена Петровна, минуту назад вбежавшая в комнату столь поспешно, что даже не закрыла входную дверь. Окна, естественно, были закрыты плотно, но Лидия Федотовна, не отрывая от уха телефонную трубку, в которую летели ее дежурные слова: «Обязательно приедут... И лично...» все равно поежилась и осуждающе посмотрела на Елену Петровну – мол, сквозняк же...

Но Елена Петровна не обратила на это ровно никакого внимания и успела за эту минуту и сбросить с плеч изящную дубленку, тоже, естественно, укороченную морозом по самую... хм... ту часть фигуры, о названии которой не принято говорить вслух в приличном обществе, и подкрасить губы помадой цвета Coral рашае перед висящим около вешалки зеркалом («ей

нужен пьедестал...»), и даже виновато-приветливо улыбнуться всем присутствовавшим, как бы говоря – «Вот, блин, опять опоздала! Но ведь совсем чуть-чуть, и все из-за этого бестолочи, который опять не сделал работу над ошибками, а мне пытался наврать, что потерял тетрадку!».

Тут до них дошло, что шеф задал по селектору вопрос, и обе – и уже прихорошившаяся Елена Петровна, и Лидия Федотовна, с трудом оторвавшаяся от телефона и всё с той же немой укоризной смотревшая на суету Елены Петровны, закричали наперебой в покрытые пластмассовой решёткой отверстия точно таких же, как на моем столе, зеленых пластмассовых коробочек, причем каждая стараясь добавить что-то новое к информации, сообщенной «предыдущим оратором».

– А её нету! – первой успела отреагировать Елена Петровна.

– Вы же её, Василь Василич, в банк вчера на сегодняшнее утро отправили! – веско добавила Лидия Федотовна.

– Она часам к 12 будет! – снова напомнила о себе Елена Петровна.

– День-то сегодня особый, – лукаво намекнула на предстоящую раздачу конвертов Лидия Федотовна, но тут же спохватилась, испугавшись смелости своего намека.

Шеф любил темнить и тянуть с зарплатой «до последнего», но действительно ни разу не нарушил им самим установленной *ежемесячной* периодичности воздаяний, иногда даже, когда фортуна и впрямь нам благоприятствовала чрезвычайно, устраивал «праздничные дни» и дважды и даже трижды в месяц, и ни разу не допустивший «абсолютно голого» календарного месяца, так что дату этого «последнего» дня, до которого он будет тянуть, грозя «в этом месяце остаться голяком при таком вашем усердии», все знали, по крайней мере, за неделю до волнующего события, но считалась она большим секретом шефа и Елены Никоновны.

И Лидия Федотовна, стараясь, чтобы Василий Васильевич не заметил испуга в ее голосе, быстро, почти поспешно добавила:

– Она ведь баланс квартальный повезла...

– Понял, спасибо, – коротко сказала коробочка как будто не понявшим оплошности Лидии Федотовны голосом шефа, затрещала и умолкла...

Я хорошо осознавал, что мое главное дело сегодня – разговор с Амгарском. И времени у меня немного – ещё через час-полтора там окончится рабочий день. Но что-то удерживало меня от того, чтобы сейчас же снять трубку и набрать номер их технического отдела.

Для того, чтобы собраться с мыслями, я встал из-за стола и, демонстративно пощелкав зажигалкой (теперь «если что» все будут знать, где меня искать), вышел в коридор, захлопнув, наконец, к удовольствию Лидии Федотовны, дверь, и пошел в курилку мимо симпатичного вахлака-охранника, отдающего весь свой досуг рыбной ловле.

Он в этот момент смотрел какой-то сериал и, отметив меня краем глаза, продолжил смотреть тягомотную «Санта-Барбару». Через пять шагов я оказался на лестничной площадке, где была расположена общественная курилка.

Курилка была оборудована в полном соответствии с экономическим положением страны и требованиями современного дизайна. На ее голом кафельном полу какого-то грязно-бурого цвета стояла зеленая железная урна (именно такого цвета, как и все обычное «противопожарное оборудование» – стандартные огнетушители, ведра и лопаты на пожарных щитах и даже ярко-зеленые пожарные машины).

Здесь же располагалось тоже зеленое ободранное кресло, которое мы выставили «для общественного пользования» по причине нашей с Мейтесом лени – именно на нас упала задача ликвидации этого кресла, когда Бурый привез в офис новую мебель, а тащить эту ободранную рухлядь на помойку показалось нам тогда с Иосифом Самуиловичем делом слишком хлопотным. Так мы проявили заботу о курильщиках и избавили себя от возни с выносом кресла через грузовой лифт.

И завершал картину приклеенный прямо на штукатурку полуободранный плакат, на котором была изображена папироса со струйкой ядовито-зеленого дыма в зеленом же круге, перечеркнутая жирной полосой, и с выдранный посередине надписью «Курение строго ..... но!». Это оставшееся окончание оборванного слова «запрещено», особенно умиляло. Дескать, нельзя, конечно, но... если уж очень хочется!..

Я уселся в пустовавшее в этот момент кресло, пропахшее вонючим сигаретным дымом, и начал раскуривать свою трубку. Занятие это, как известно, неспешное, суеты не любящее и располагающее к размышлениям. Но самым главным его притягательным элементом именно сейчас было для меня то, что оно оттягивало неизбежный и столь нежеланный для меня момент снятия телефонной трубки. Было в этом нечто фетишистское, я как бы говорил самому себе: «Что, трубка? Пожалуйста, я возьму трубку!». Но вместо телефонной у меня в руках оказывалась курительная...

Я прочистил итальянскую трубку, подаренную мне шефом после его поездки на Мадейру, набил её любимой «Черри амброзией», щелкнул зажигалкой, подарившей живой язычок синатового при основании и переходящего в яркий фиолетовый, почти как майский одуванчик на солнечном припеке, пламени, и, пыхнув пару раз «для розжига», с наслаждением затянулся...

Теперь я мог спокойно подумать о причине своей «телефонной фобии». Что же ставило у меня внутри тот барьер, который не мог преодолеть рассудок, явно командовавший рукам снять трубку и набрать код и шестизначный номер?

Через пару затяжек я осознал, что именно заставляло подсознание отдавать рукам саботирующие рассудочное решение команды и заставляло их путать белую пластмассу телефона с благородным бриаром итальянского подарка шефа...

Это была боязнь услышать в трубке очередное холодное и раздраженное: «Нет, нам ничего от вас не нужно, у нас все в порядке...» с очевидным подтекстом: «Надоели вы хуже горькой редьки... „Благодетели“ задрипанные... А па-а-шли бы вы все на хер со своей „помощью“... Не дождетесь! У нас технологи не лохи, справимся и без вашей дряни...»

И вот этот предполагаемый мною подтекст, это причисление к стае стервятников, кружащих вокруг ослабевшего вдруг зверя, было не просто неприятным, а почти физиологически тошнотворным...

Столько лет в бизнесе, а всё не могу себя сломать! Все хочется быть «честным» и «достойным». А в бизнесе честность состоит не в выставлении на всеобщее обозрение дыр на рукавах пиджака, образовавшихся от сидения в позе роденовского мыслителя, и достоинство измеряется не числом мучающих тебя интеллигентских комплексов! В реальном бизнесе твоё достоинство измеряется реальным количеством проданного тобой товара (неважно – презервативов, синхрофазотронов или монографий на мировоззренческие темы) и толщиной полученного после этого конверта.

И единственное отличие «цивилизованного западного» от «посконно-домотканного расейского» бизнеса заключается в том, что «у них» вместо конвертов используются пластиковые карточки. Но, согласимся, это все-таки различие техническое, хотя и весьма существенное...

Эта мысль оказалась, как я понял потом, каким-то сигналом или «информационным катализатором», вызвавшим во вселенских связях всего со всем какую-то перегруппировку, какой-то резонанс, поскольку зеленый ящик на моем столе защелкал, захрипел и произнес:

– Игорь Петрович, зайдите!

Я, разумеется, не услышал этого, поскольку технический прогресс в нашей фирме ещё не дошел до таких высот, чтобы радиофицировать старое оборванное кресло в курилке. Но это и не было востребовано жизнью, ибо об обращенной теперь уже точно ко мне команде синей коробки на моем столе я узнал почти сразу. Наша входная дверь щелкнула, приоткрылась, и, перекрывая какую-то «мыльную музыку», под которую по экрану роскошного телевизора «Рубин», ещё лет 15 назад украшавшего местный партком, сидевший на «боевом посту» Борис

изучал титры очередной «Жизни в Санта-Ме» (или Санта-Фи?), раздался звонкий голос Елены Петровны:

– Игорь Петрович! К шефу!..

Глава 6

О преимуществах курения трубки, антитабачных мерах шефа, его понимании почтительности, а также о различных трактовках понятия лояльности в нашем коллективе.

*Мы братски не жалели ничего
Для верного народа своего:
Наш собственный язык, штионов, гарнизоны,
Чины, обычаи и самые законы, —
Всё, всё давали вам мы щедрою рукой...*

Хорошая вещь – трубка! Её, в случае экстренного вызова на рабочее место, не нужно бросать как недокуренную сигарету, искать для этого урну, прицеливаться, поднимаясь с кресла, и жалея летящий в нее (а порой и мимо!) ещё достаточно длинный белый цилиндрок с зеленоющим огоньком на конце – ну, не класть же «бычок» в пачку!

Трубочнику достаточно просто положить трубку в карман и тут же быть готовым к общению с некурящим. Правда, шеф таковым не является, он смолит одну сигаретку за другой, прикуривая новую от ещё не потухшего чинарика, но оправдывает себя в последнее время тем, что курит тонкие «дамские» сигареты.

В прошлые разы таких его приступов борьбы «со своей вредной привычкой» тоже находились и объяснения и оправдания весьма «правдоподобные». Например, однажды он перешел на ментоловые, поскольку в тогда ещё любимом им «Моковском коммунальце» было написано, что «ментол способствует интенсификации кровообращения и снижает артериальное давление».

Однако никому из «своих» (а среди нас я один был «хэви смокером», остальные либо «баловались», либо не курили вовсе) в кабинете курить он не позволял, справедливо считая, что табачный дым не способствует повышению трудоспособности во время «рабочих совещаний» или его индивидуальной работы с сотрудником. Да и «дистанцию» во время таких разговоров с изнывающим от желания затянуться, но не смеющим хоть как-то проявить это желание человеком, держать ему было легче.

Не знаю, было ли это его осознанным приемом, или он искренно считал, что привилегией курения в кабинете обладает только он сам. И, конечно, «гости». «Важные гости», разумеется. Других почти и не бывает в его кабинете – нет у него ни времени, ни желания вести «пустые разговоры». И одним из главных индикаторов нашей «профпригодности» он считал умение «допускать к его телу» только таких партнеров, после разговора с которыми он мог сказать себе, что не потратил времени впустую.

Вообще Василий Васильевич считал себя демократом (не без основания, нужно признаться), но демократом, блюющим некоторые «сословные традиции». Он, например, вполне серьезно именовал себя нашим «папой», причем, конечно, не в вульгарно-жаргонном смысле, ибо считал себя именно реальным «отцом нашего семейства» и все мы были в этом смысле «его детьми» и должны были быть в достаточной мере почтительны с ним. Он же, со своей стороны, платил нам тем же «уважительным отношением». («Мы братски не жалели ничего...»).

Правда, конкретные формы такого отношения он же сам, как мудрый родитель, и определял, исходя из конкретных особенностей характера каждого из своих «детей».

Меня, например, он считал (не без оснований, конечно) безмерно обидчивым из-за «сседающей меня гордыни», но терпел этот мой недостаток.

Впрочем, что остается «отцу семейства», который, сам счел когда-то необходимым «усыновить» меня? Теперь-то он никак не может отказаться от «дитяти», даже если оно оказалось «с характером»! Вот, вероятно, почему со мной он всегда изысканно-вежлив и обращается только по имени-отчеству. А вот с Ильёй Стефановичем – другой разговор.

Дело в том, что Илья Стефанович приходится двоюродным братом шефу. Их дед, выпускник Моковского Университета Соломон Давыдов, в начале прошлого века по причине «отсутствия средств к достойной жизни» подрабатывал преподаванием и был учителем у детей какого-то состоятельного человека. Летом семья выезжала в свое имение где-то под Орлом, и однажды вместе со своими воспитанниками (брат и сестра гимназисты) поехал и их учитель. А в деревне – дело молодое! – вышло так, что через семь месяцев после отъезда господской семьи обратно в Мокву у одной из «очаровательных пейзажек» «вдруг» родился сын...

Как уж там «замяли дело» – неизвестно, только маленький Васёк, будущий отец Василия Васильевича, провел детство в условиях здорового деревенского быта и получил хорошую хозяйственную закалку.

Семейное предание гласит, что Соломон вообще был «большим жизнелюбом» и «погулял всласть», но всех своих «внеплановых детей» не бросал и помогал их матерям, чем мог. И только потом, почти перед «Первой империалистической», он официально женился и в этом браке «был счастлив» и тоже имел детей, самым младшим из которых и был Стефан – отец Ильи.

Соломон хотел, чтобы все его дети от всех любимых им женщин чувствовали себя одной семьей, «коленом Соломоновым», и все делал для этого. Вот и унаследовали двоюродные братья разные генетические особенности предков. Василий Васильевич – отцовские трудолюбие и упорство и дедовское почитание семьи, а Илья Стефанович – отцовский комплекс «младшенького» и дедовское «жизнелюбие».

Поэтому Василий Васильевич удостоивает обращения по имени-отчеству Илью Стефановича только в тех случаях, когда Илья чем-то раздражает его. Илья прекрасно это знает и, услышав от шефа: «Илья Стефанович! Я бы попросил быть точнее и конкретнее!..», – внутренне поджимается и, демонстрируя обиду и покорность судьбе, тоже переходит на официальный тон: «Я, Василий Васильевич, считаю...».

И тут есть тонкая грань – если раздражение перерастает в гнев, вся эта официальная шелуха облетает, как пух с одуванчика, и вполне можно услышать (даже в присутствии «милых дам») громкое и грозное: «Не пори херни, Илья!». Но при этом сам Стефанович никогда не забывается настолько, чтобы ответить столь же энергично. И всегда остается на прежней, «официальной позиции», не позволяя себе ничего более «крепкого», чем снятие в обращении отчества: «Ну, Василий, можешь меня уволить, но я все-таки скажу...»

Очень бывает комично видеть (даже при обсуждении действительно важных вопросов, хотя в большинстве случаев буря протекает «в стакане воды»), как двоюродные братья, ещё 15 минут назад дружески и «без церемоний» бросавшие друг другу: «Знаешь, Вася...» в ответ на: «Да, ты прав, Илья!..» от переполняющих душу эмоций из обычных людей превращаются в две «функции» – гневного на нерадивость сотрудника начальника, и оскорбленного несправедливостью к себе, но все-таки лояльного подчиненного.

Лояльность вообще является той «священной коровой», на признании святости которой держится вся «несущая конструкция» нашей фирмы. Ты можешь удивляться несуразным, по твоему мнению, приказам начальника, считать их глупыми или даже вредными, можешь ино-

гда их втихую саботировать, но при этом не должно возникнуть и тени сомнения в том, что ты не начал вести «свою игру».

А индикатором лояльности является уверенность в том, что ты не способен утаить важную информацию (как бы ни была она опасна и вредна для тебя лично) и не можешь сознательно солгать начальнику.

Нет, «закон Чука и Гека», гласящий, что «если мама (или, тем более, „папа“!) спросит, мы, конечно, расскажем про телеграмму (факс, e-mail), а если нет, то что, разве мы выскочки?» никто не отменял. Понимание его естественности является одним из очевидных проявлений мудрости руководителя, а Василий Васильевич владеет секретами руководства и гораздо более сложными, позволяющими справляться и с амбициями и с влияниями «тайных струн» очень непростых характеров своих «детей».

Но он бы никогда «не понял» человека, на личную преданность которого он рассчитывал и ошибся в этом. Впрочем, такое бывало крайне редко.

До поры до времени, и я считал точно также, авторитет шефа был незыблем, и я вел себя в рамках такого понимания его роли и места. Но «бароны стареют», а вассалы мудреют (если, конечно, им достает для этого ума...) И приходит прозрение – авторитет не может быть ни абсолютным, ни вечным, а когда, к тому же, «Акела промахивается», или вдруг за маской волчьего оскала вильнет, раз-другой лисий хвост...

И сегодня я уже понимал – у меня есть то, что я должен сохранить в себе при любых крутых поворотах начальственного настроения и настроения – самоуважение. И нет таких денег, за которые его можно у меня купить.

Конечно, Стальной Вождь – абсолютный чемпион по историческому злодейству – имел основания считать, что «на крутых поворотах Истории даже крепкого седока выбрасывает из седла!», но нужно помнить, что не всякого, севшего на коня, ждет эта участь. И на любом «повороте Истории» находятся люди, которые смогли в седле удержаться. И нужно стараться попасть в их число...

Всё это промелькнуло в голове достаточно быстро – пока я шел двадцать метров по коридору до двери без какой бы то ни было таблички – мы ведь одна семья и нужно ли детям видеть на родительской комнате какую-то табличку? – а всякий посторонний прежде, чем он оказывался перед этой дверью, точно знал, к кому и зачем он идет...

Глава 7

О первом разговоре с Василием Васильевичем о положении в Амгарске, особенностях формирования платежных документов на выдачу зарплаты, моей лжи по важному вопросу и лени при исполнении командировочного задания, терзаниях муками совести в связи с этим, а также о служебной пунктуальности Лидии Федотовны.

*Вы видели ль преступника,
Как в горести немой,
От совести убежища
Он ищет в час ночной?*

Василий Васильевич сидел за своим обширным письменным столом, левый дальний угол которого украшал великолепный подсвечник-менора и подаренный «от коллектива» часовой агрегат с нарочито открытым взору переплетением часовых колесиков и маховичков, на синей позолоте которых играл солнечный зайчик.

- Садитесь, Игорь Петрович!
- Спасибо, Василий Васильевич!
- Ну, как дела в Амгарске?

То, что он сразу начал с главного, показывало, что тот маленький листочек бумаги, который лежал перед ним на полированной глади стола, был действительно заветным «листком надежды нашей» на этот месяц. А всего-то – не очень длинный списочек, где после сокращения имен – И.С., Иг. Пет., Е.П., Тат., Лена, каких-то неизвестных мне имен, непонятных сокращений и букв – стояли одно– или двузначные числа, обозначавшие количество розовых бумажек с портретом какого-то из Президентов ДША, которые нужно будет выложить перед вызванным в кабинет сотрудником или «важным гостем».

Все эти сокращения не были каким-то шифром – просто бумага писалась «для себя» и «без формальностей», но это не мешало быть ей предельно понятной для ее автора.

Мне вспомнилось, что когда наследники разбирали архив великого расейского химика Менделя Ейева, они нашли подобную бумажку среди хозяйственных документов. Там было несколько строк: «Зеленц. – 49 коп., Сапожн. – 1 р.07 коп., за мясо – 86 коп., 25 рублей – сам знаю за что, дворник. – 10 коп., да ей же ещё на извозч. – 25 коп.».

Чудом, но сохранилась ведь такая бумажка! А эта, которая сейчас лежала перед Василием Васильевичем, конечно же, не станет чьим-то досужим чтением, а потребует только ее автору через какое-то время после того, как Елена Никоновна, вернувшись из банка, выложит на этот стол из принесенного Бурым солидного кейса повышенной надежности перетянутые бумажной лентой пачки банкнот со словами: «Вот, Василь Василч, привезла. Всё нормально... Мигунчик только грустный какой-то...». (Тяжело женщине таскать такой, да и по сторонам при этом поглядывать – вот и ходит вместе с ней по таким делам Бурый).

Выкладывание наличных в соответствии с росписью на бумажке будет обязательно сегодня (не любит Василий Васильевич хранить у себя «чужие деньги»). К тому же ему всегда любопытно проследить, с каким выражением лица сотрудник будет пересчитывать (а это нужно делать обязательно – денежка счет любит, да и проверить себя не мешает – не обсчитался ли сам, раскладывая банкноты по конвертам).

Не менее важно и то, каким тоном, с какой интонацией он будет благодарить, т. е. зримо ощутить градус лояльности и степень благодарности каждого из своих детей в «момент истины», ибо именно в этот момент здесь происходит сопоставление самооценки с «объективной оценкой „папы“». Именно в этот момент, как считает Василий Васильевич, человек наиболее прозрачен для пронизательного взгляда...

Именно сейчас листочек наполнялся знаками – цифрами после инициалов. Самая последняя, самая точная на данный момент «оценка по поведению». Закончится «формирование документа» за полчаса до начала процедуры «воздаяния». И судьба у этого листочка бумаги явно незавидная – он сегодня же, после того, как последний из приглашенных покинет кабинет, будет разорван на мелкие клочки и выброшен в урну, а может даже и удостоится аутодафе в любимой пепельнице Василия Васильевича.

И, хотя такие листочки, как правило, приносят нам действительную радость, но им самим мы ничем помочь не можем. Не остаются они в качестве «исторических документов», не попадают в архивные фонды (кроме архивов прокуратуры, и сходок бандюков, не к ночи будь они помянуты!), не попадают в разряд «письменных источников, использованных при написании диссертации». Просто потому, что такие листочки долго не живут – записка Менделя Ейева редчайшее исключение...

Оценив все это, я нарочито равнодушно ответил:

- Да нормально у них все. Пока...
- А вы звонили им с утра?

– Конечно, Василий Васильевич, – ни капли не смутившись, искренним тоном ответил я, – но Александр Петрович...

По взлетевшим бровям Василия Васильевича я понял, что допустил какую-то ошибку. А! Я мгновенно вспомнил, что память на имена-отчества «чужих» у шефа слабая, и он не любит, когда мы в своих докладах заставляем его эту слабость обнаруживать, а потому поспешно добавил:

– ...их директор по коммерции, который и решает вопрос о приобретении ММА, сейчас на совещании у своего руководства...

– Может, как раз об этом?

– Может, Василь Василич, но мне этого не сказали.

– Плохо! Нужно было во время последней командировки в Амгарск найти там кого-нибудь человека, который бы уж такую ерунду мог бы вам сказать по телефону! У вас есть там свои люди?

– Да там, Василь Василич, фирма же частная, Вы же знаете – «Юкоси», у них зарплата большая и дисциплина строгая, если заметят «что не так», а тем более с клиентами шушуканье, сразу уволят... А городишко маленький – куда пойдешь? Вот и блюдут «производственную дисциплину от звонка до звонка» строже, чем при совке в Арзамасе-47, – попытался отшутиться я.

– Лишних денег не бывает, Игорь Петрович, а барышни любят сладкое! Нужно было не в гостинице сидеть, а под дверью кабинета, да секретаршу шоколадками потчевать!

Я промолчал. Был грех – на второй день тамошнего моего сидения я с обеда ушел отдохнуть – что-то и впрямь потянуло отоспаться после перелета в шесть часовых поясов. А шеф в это время в Мокве как раз пришел на работу. Лидия Федотовна, прозвонившаяся с вечера в Волглый и заказавшая там техпаспорт на партию ММА, получила его с утра и тут же, естественно, помчалась к шефу с докладом о своем успехе. Ей хотелось продемонстрировать свою оперативность и проницательность – ведь в случае моего успеха этот документ потребовался бы в Амгарске. «А разве можно сомневаться в успехе Игоря Петровича?», – играя в наивность, бросила она шефу, показывая факс из Волглого.

Но стояло за этой ее фразой не только желание «себя показать», но и смутно осознаваемое чувство вины передо мной – ведь ей бы следовало сначала мне позвонить и узнать, нужна ли мне сейчас эта бумажка... Вот потому она и преподносила шефу свою уверенность в моем успехе.

Шеф, ещё даже не выкуривший утреннюю сигаретку под чашечку кофе (Елена Петровна только залила воду в кофеварку), был раздражен такой стремительностью начала рабочего дня, но, скрывая свое раздражение, чуть сухоовато поблагодарил Лидию Федотовну. Однако, чтобы не расхолаживать ее трудового порыва, велел «срочно разыскать Игоря Петровича» в Амгарске и отправить документ по факсу.

Разыскивая меня по заводским телефонам (чтобы сэкономить деньги на счету моего мобильного, как сказала мне она позже), Лидия Федотовна, с присущей ей в подобных случаях энергией, подняла на ноги и технический отдел, и отдел снабжения, и даже бухгалтерию!

А «нашла» меня, позвонив секретарше Александра Петровича, которая и рассказала ей, что, дескать, Александр Петрович уехал в банк, а я ушел в гостиницу.

Шеф же, допив кофе, решил поощрить трудолюбие Лидии Федотовны, а потому поинтересовался у нее – отправила ли она факс в Амгарск? Тут Лидия Федотовна и сообщила ему, что она не знает, кому отправлять факс, а меня беспокоить не хочет, потому что ей сказали, что я отдыхаю.

Услышав крамольное в рабочее время слово «отдых» и не учтя сразу разницу во времени, Василий Васильевич подумал, что я просто проспал. И вот в таком настроении тут же и позвонил мне по мобильному:

– Вы где, Игорь Петрович?

Не зная всех «тонкостей момента», я брякнул самое нелепое, что только было возможно в этих обстоятельствах:

– Сiju в приемной, Василь Василич!

Вот тут-то я и получил «по первое число»! И «звуковое это письмо» оказалось в таких повышенных тонах, ко мне ранее никогда не применявшихся, что даже с учетом возможного искажения тембра голоса при передаче сказанного через спутник связи «Молния-17» на геостационарной орбите, легко было догадаться о степени недовольства мною шефом.

Я на него не обиделся – мой «прокол» был очевиден. Но с тех пор этот случай поминается каждый раз, когда Василий Васильевич в чем-то мною недоволен...

– Ну, ладно, – почти примирительно сказал шеф, прочувствовав в моей душе отсутствие обиды на напоминание о том эпизоде, – идите и звоните в Амгарск так, чтобы на пальцах мозоли вспухли! Информация оттуда мне сейчас нужна как воздух! Вы что думаете, если они решат покупать, это мне ничего не будет стоить? Нужно ведь будет срочно лететь и давать конверт, а денег в кассе нет, а тут зарплата и нужно решить – сколько можно скушать, а сколько может для срочного дела потребоваться! Идите, идите!.. И звоните!

– Хорошо, Василь Василич!

Я встал и пошел к двери кабинета. Но на полпути меня остановил его голос:

– И нечего бороду задирать!

Я остановился в недоумении. Положение моей бороды почему-то было для Василия Васильевича индикатором моего настроения. Но разглядеть это положение сквозь затылок теоретически можно было только в том случае, если бы затылок принадлежал холодному трупу, для верности погруженному в жидкий азот, а бороду опалила лампа солярия. Но я был жив и на лицо мне падала тень от плотной оконной шторы! Что это за юмор?

Я не спешил оборачиваться и, как оказалось, правильно сделал.

– Да я сквозь затылок вижу, о чем вы думаете – мол, самодур, тиран... А мне зарплату вам всем, чем платить? Или вы думаете, что мне не хочется, чтобы вы на нее не только в буфете лишний салатик себе позволили, но и снова на Канарах в нейлоновых трусах прогулялись? А вот только пока не получается... Ладно, идите!

Я вышел с безразличным выражением лица, стараясь ничем не выдать своих чувств. На меня устремились рентгеновские взгляды и Лидии Федотовны, и Елены Петровны, да и Татьяна зыркнула. Сегодня как никогда все хотят знать – в каком настроении шеф. То есть, какие виды на урожай «капусты»? Но мне, кажется, удалось сохранить невозмутимость и непроницаемость.

Не садясь за стол, я снова вышел на лестничную площадку. Пока мы говорили с шефом, уборщица успела протереть старый линолеум, положенный зачем-то поверх кафеля в прошлом году, и на полу пока было чисто – пролетевшие мимо старого помойного ведра окурки и табачный пепел покроят его теперь только к обеду. (Урну, несмотря на этажную охрану, «скоммуниздили» ещё летом, хотя на мгновение мне почему-то показалось, что в прошлый раз она тут стояла...)

Трубка ещё не успела остыть и разожглась легко. Чего не могу сказать о своем душевном состоянии. На душе было тяжело. «Вы видели ль преступника?».

Почему я так легко соврал, что звонил в Амгарск? Ведь, кажется, «закон Чука и Гека» требовал иного, правдивого ответа. Ведь «папа» спросил прямо и однозначно именно про звонок. И я столь же прямо и однозначно солгал! Зачем солгал – это понятно. Но почему столь легко? Вероятно потому, что знал – мне поверят.

Мне, вообще-то, верили всегда. Именно в этом и состоял один из «прикладных смыслов» фирменной лояльности. Мы с Василием Васильевичем говорили друг другу правду. Конечно,

далеко не всю правду (да и кто рискнет утверждать, что знает её всю?), но, как бы она ни была мала, все-таки – правду.

И вот я соврал. Мог бы ведь сказать, что нет связи (что и вправду частенько бывало), что, на худой конец, мне вчера было велено звонить ближе к концу рабочего дня (о чем меня действительно просили, только не вчера, а третьего дня), а до окончания работы в Амгарске ещё полтора часа...

Да ничего страшного не произошло бы, уйди я от прямого ответа, ну, предположим, так: «А вы считаете, что это необходимо сделать срочно?». Скорее всего, в этом случае пришлось бы мне всего-навсего прослушать нравоучение о вредности «житейского идеализма». Так мало ли я подобных нравоучений слышал и по менее серьезным поводам? И это пережил бы спокойно...

Но я соврал, причем соврал, сообщив конкретную ложную информацию («дезу» по сути) о том, что в Амгарске все в порядке. Я, правда, думаю, что, скорее всего, это действительно так. О таких проблемах такого завода, буде они случаются, по первому каналу ТВ в новостях сообщают, а уж в Интернете бы все кипело.

Но как раз в данном случае для нас было важным узнать об этом первыми. И сразу же, буквально в тот же час, «нападать», оттесняя и явных конкурентов, и маскирующихся под друзей конкурентов, не давая им возможности обрадовать господина Старовыйного («олигарха местного значения», как он однажды представился в одном из своих многочисленных интервью) – директора завода, производящего монометиламин.

Чтобы на их звонок о том, что в Амгарске аврал, он слегка брезгливо ответил: «Да знаю я, мне более шустрые ребята все уши прожужжали об этом, я уж дал команду отгрузить через них пять цистерн... Успокойтесь и поезжайте на Закраину, там новый закон по моей наводке готовят – что б запретить бензол в бензин бухать – вредно это для окружающей среды. Вот вам и „пахотное поле“ для работы – внедряйте там ММА, и я вам помогу».

И не осталось бы конкурентам ничего, кроме как благодарить Василь Карпыча за его «ценную информацию», кланяться и ещё раз благодарить, прекрасно зная, что такое работа с Закраиной при нынешнем-то их премьер-министре!

Но вдруг как раз сегодня в Амгарске и «поехала крыша»? А из-за моей «щепетильности» мы это проворонили? И уже тот вчерашний наш гость, который так сладко пел о «товарищеском сотрудничестве», правильно понял шефовское «пока нет» и усилил «давление на Амгарск», содрал до крови палец о диск телефонного аппарата, и не терзался при этом комплексом интеллигентской стеснительности!

А в награду за это он сейчас диктует своей пышногрудой машинистке реквизиты Амгарского завода для уже готовой «рыбы» договора? И всплывет эта рыба в виде текста контракта и в Амгарске у Александра Петровича, и в Волглуме у Василь Карпыча? Ведь прав шеф – «жирный кусок» тогда от нас уплывает!

При таком стечении обстоятельств логично встает вопрос – а из чьих же «первых рук» я получу свои «лысорозовые»? Не из Татьянинных ли? Это ведь она с Мейтесом привезла из Рязани идею «подмеси» каменноугольного бензола в производственный нефтяной (в Рязани была настолько хорошая схема, и так хорошо работали тамошние технологи, что качество продукта было существенно выше, чем требования ГОСТа).

Так Татьяна и сама хотела гулять по Канарам в нейлоновых трусах! А на нас всех зарботанных на этой идее «американских президентов» явно не хватит – можно в бензол подливать хоть ослиную мочу, но до известного же предела!

Нет, не понял я сам себя и своего поведения в кабинете шефа, и это непонимание не прибавило мне хорошего настроения. Хотя...

Глава 8

О давнем застольном разговоре с шефом, поэте Высоком, солнечной Черномориш, владельца недвижмости на ее берегах и моих самооправданиях в связи с особенностями ее приобретения, а также о возвращении из местной командировки Елены Никоновны и Бурого.

*Покой мне нужен. Грудь болит,
Озлоблен ум и ноет тело.
Все, от чего душа скорбит,
Вокруг меня весь день кипело.*

Вспомнилось, что сидели мы как-то с Василием Васильевичем в нашем «придворном кафе» над пластмассовыми тарелочками с жареными цыплятами и гречневой кашей, запивали это все томатным соком. А потом, под чашечку кофе (это – мне) и под чай с таблеткой сахарного заменителя (это – для него, поскольку медики, после гипертонического криза, порожденного невероятным нервным напряжением последних лет, тогда строго запрещали ему и сахар и любимый им кофе), как всегда в таких ситуациях говорили о чем-то отвлеченном – за едой о работе говорить неприлично. За едой мы друзья и коллеги.

И, как бы «между прочим» (а «по-настоящему между прочим» говорит он крайне редко, не в его характере пустословить – всё сказанное должно иметь и смысл, и цель), он сказал, что вот, дескать, решил на солнышке погреться, съездить в Черноморию – там, говорят, многие из наших кумиров бывали, и все в один голос восторг выражали.

Вот даже и барда великого нашего, Владимира Высокого, судьба якобы забрасывала. «Помните у него, – продемонстрировал мне свою память Василий Васильевич, – „В Черноморских – ох, дремучих! – страшных лиственных лесах...“ Это он там написал. А я знавал его лично... И гонителей его знавал... Так что съезжу, гляну – что там в этих лиственных лесах так устроило поэта!..»

И после этого разговора через пару месяцев действительно съездил, страшного ничего не нашел, а вот красот – сверх всякой меры. Да и зачастил после первой своей поездки туда – ездил по два-три раза в год, сначала один, а потом и «братана своего», как он иногда, в минуты редкой расслабленности, величал Илью Стефановича, стал прихватывать.

Потом какие-то гости оттуда к нему зачастили с бумагами явно не химического содержания, потом и мы все к этой Черномории обратились по его распоряжению – а не купят ли «черноморцы» у нас этот ММА замечательный? Ведь бензин-то на их горных дорогах ох как нужен хороший! А стоит европейский «экологически чистый» бензин даже не лоллард за литр – цены-то из-за великоханьских амбиций растут, как на дрожжах...

Может, наша добавка поможет их молодой государственности и развивающейся экономике уменьшить свою зависимость от разных «Бей-Пей» и «Меллов» и сгодится для столь понравившихся им японских «Пойот» рязанский люксоиловский «первачок» с нашей чудодобавкой?

Эти игрушки современной цивилизации черноморцы, после прекращения заваренной ими самими «европейской бузы», стали получать от мирового спонсора – организации «Семь с половиной» (так после нашумевшего эротического триллера стали называть «Джей севен энд Руша»).

Дело это, разумеется, у нас «не выгорело» – мелковаты мы все-таки для международных игр даже такого, «третьего сорта» – но сама Черномория как-то примелькалась в сознании, стала обычным элементом рабочих разговоров.

И вот тут я случайно узнаю (и у меня уши-то шерстью еще не заросли окончательно, да и поговаривать в нашем маленьком коллективе «меж собой» стали и громче и чаще и более откровенно), что в Черномории у шефа уже и вилочка маленькая появилась (он как-то сам при мне обсуждал по телефону с кем-то организацию пригляда за ней в периоды длительного своего отсутствия), и Илья какую-то «сараюшку на отшибе», но недалеко от шефа, приобрел...

Вот так-то! Семья – семьей, а дачи – порознь! И стал «озлоблен ум» у меня... Вон Татьяна что-то такое себе строит под Ковром (так уж получилось, мать у нее из-под Ковра родом), Бурый где-то на канале «Моква-Волгла» сруб из-под Костромели обустроивает, я в своем Домопапове грядку копаю (раз в пять лет, но копаю), а Василий Васильевич – добро бы один (шеф все-таки!) – так нет, на пару с одним из якобы «наших», Ильей Стефановичем, на «вилочку» свою черноморскую пригляд из кабинета осуществляет. Даже и в рабочее время. Для себя-то, единственного, чего не пожалеешь!..

А что, и впрямь нехудо «в случае чего» стать «на время» простым черноморцем и оттуда, с берега теплого моря, поливая чудесные розы, посматривать на заваривающуюся здесь мутную кашу. Ведь после «показательного процесса» над просидевшим пока только три дня в кутузке выпускником и младшим сокурсником шефа по «керосимке» Владимиром Гусиевичем яснее ясного стало, чего именно следует ждать от нашего государственного случая...

Мысли эти не прибавили мне ни оптимизма, ни самоуважения. Так смотреть на мир может какой-нибудь холоп из «людской», завидующий барскому довольству и забывающий о барской же о себе заботе. А забота-то, в моем конкретном случае, ведь даже не «барская», а «царская» – при том уровне жизни, который установился в стране после столь мною приветствовавшихся событий 1991 года. Да я и сам в эти события лепточку вложил вечерами 19–21 августа, стоя в толпе народа и таская вместе со своим старшим сыном какие-то железки для баррикад. Как теперь мне понятно, после всех этих событий работа у Василия Васильевича оказалась для меня лично невероятной удачей.

Свой первый визит к нему я помню до мелочей – произвел он тогда на меня сильное впечатление, особенно после двух моих предшествующих начальников, отношения с которыми у меня не сложились.

Я был с ним рискованно откровенен, сказав одну фразу, которую, как теперь я полагаю, говорить не следовало бы. Просто нужно было воспользоваться «Законом Чука и Гека» – если бы он спросил... Но я сказал ему сам: «Мне кажется, что мы сработаемся, если Вы решите меня взять. Но я по натуре „кошка, которая гуляет сама по себе“ и работаю до тех пор, пока согласен с тем, что мною командуют по праву первого среди равных». Зная его теперь достаточно хорошо, я не могу понять, почему тогда он всё-таки меня взял? При всем своем самомнении я отдаю себе отчет, что нигде, кроме как у Василия Васильевича, за все мои «таланты» и «прилежание», я таких денег не имел бы. Да и такой свободы, по большому счету, тоже не получил бы. Но, видимо, такова уж природа человека, ему действительно хорошо во всем только там, где его реально нет. А там, где он есть, у окружающих всегда «не так» струятся лицевые капилляры и человеку кажется, что на него и смотрят «как-то косо», и из котла зачерпывают «пожиже, чем остальным»...

Но размышления о черноморских владениях шефа и Ильи объясняют, пожалуй, то, что я сегодня так спокойно и сознательно солгал Василию Васильевичу. Ведь если он счел возможным солгать мне тогда об истинных целях своей первой поездки в Черноморию, то и я имел моральное право ответить ему тем же!

Правда, в отличие от моей сегодняшней неуклюжести, солгал он мастерски тонко, поскольку эта его ложь была «на грани правды» – о поэте Высоком он ведь действительно

думал, но стояла эта мысль при его размышлениях о Черномории на десятом месте, мне же он представил ее как главную.

И моя сегодняшняя неправда – если уж по Гамбургскому счету! – все же гораздо более мелкого масштаба по сравнению с его неискренностью.

Так вот и цепляется одно за другое, «кто с мечом к нам придет...» Впрочем, это уже новый виток самобичевания и самооправдания. Довольно об этом.

Снизу, из лестничного пролета, который выводил на площадку где я, по мнению всех проходивших мимо, в отличие от обыкновенных курильщиков, «отравлявших атмосферу», услаждал обоняние изысканным запахом своего ароматного «черри», слышались знакомые голоса. (Запах моего табака не нравится только двум людям – Мейтесу, с которым в командировках нам приходится делить на двоих один гостиничный номер, и Нателле, которая обречена нюхать этот запах каждый день).

По ступеням поднимались Елена Никоновна и Бурый, тащивший солидный кейс. Елена Никоновна выглядела сосредоточенной (за кейсом в руках Бурого нужен был и ее пригляд), но довольной – в банке, видимо, все действительно было хорошо, и явная тяжесть кейса это зримо подчеркивала.

Елена Никоновна демонстративно втянула носом воздух, пропитанный ароматом «амброзии», капиллярная сетка на ее лице, начавшая уже бледнеть в тепле, нагреваясь после уличного мороза, отразила удовлетворение от ощущаемого носом запаха, и она с улыбкой, чуть задыхаясь от подъема, сказала:

– Здравствуйте, Игорь Петрович!

– Здравствуйте, Елена Никоновна, – столь же дружелюбно откликнулся я, нарочно выпуская клуб ароматного дыма.

– Как там дела? – спросила она, имея в виду «нашу контору», жизнь в которой протекала в столь бешеном ритме, что всякий, отсутствовавший на рабочем месте даже полчаса, мог вернуться уже «в совсем другую страну».

– Да всё, вроде, нормально, – ответил я, и постучал пальцем по бриару трубки: у нас было принято при всяком выражении удовлетворения чем-то, стучать «по дереву». В случае отсутствия чего-то деревянного под рукой, следовало постучать себе по лбу. Но с некоторых пор проблема была решена кардинально – у шефа появилась специальная, отполированная и отлакированная кругляшка спиля какого-то экзотического дерева, которую он привез из одного из своих многочисленных путешествий и которую «пускал по кругу» в кабинете, когда окончившееся совещание констатировало, что «в конторе всё в порядке».

– Ну, дай-то Бог! – сказала Елена Никоновна и пошла по коридору, кивнув любопытному Борису, тупо пялившемуся на нее, поскольку в стареньком телевизоре «Славутич» перегорел предохранитель и он замолчал, заставив службу безопасности отвлечься от созерцания заморской американовской «красивой жизни» и заняться прямым своим делом – смотреть, кто приходит на охраняемой ею этаж.

Глава 9

О новых преимуществах курения трубки, рассказе Ильи Стефановича об Амгарских делах, моих размышлениях по этому поводу, а также о всеобщем удовлетворении моей реакцией на рассказ Ильи Стефановича.

*Нет, нет! Вот он! Сейчас узнал я друга!
Он – тот же все, каким был и тогда,
И лишь чуть-чуть как будто покривился.*

Немудрено! Берут свое года!

...Трубка хороша ещё и тем, что курится она долго. И пока суетливые «сигаретники» – соседи по коридору и соратники по нарушению предупреждений Минздрава, публикуемых на каждой пачке «продукции, содержащей в своем составе антикотин» – успевали трижды сменить состав своей команды в курилке, я неизменно с достоинством представлял свою фирму, не требуя (да и не ожидая!) замены...

Но и трубочному перекуру бывает конец! Вытряхнув пепел прямо на грязный каменный пол (наша уборщица, Тамара Никифоровна, бывшая когда-то зам. Зав. Отдела технического обеспечения местного Вычислительного Центра, сегодня приболела и звонила с утра, что придет только в понедельник), я сунул в карман еще горячую, а оттого просвечивающую зелено-малиновым цветом сквозь брючную ткань трубку, и отправился на рабочее место с твердым желанием сразу же набрать номер Амгарска.

Войдя в комнату, я сразу почувствовал, что произошло что-то не совсем обычное, что-то радостное и явно имеющее отношение ко мне. Хотя отношение это тоже было странным – веселые искорки в глазах Татьяны Борисовны говорили о том, что она предвкушает какую-то любопытную для нее динамику в развитии событий...

Она быстро спрятала эти искорки за листом какого-то документа, только стрельнув глазами в мою сторону и сказав с каким-то, всё ещё непонятным мне подтекстом:

– Вам звонили.

Я, естественно, спросил – кто?

– Да этот, во фланелевом костюме, вчерашний наш «гость». Звонил только что... Интересно – не собираетесь ли вы в Амгарск?

А Елена Петровна, «с глазками на затылке» изображала повышенное внимание к экрану монитора и никак не прореагировала на мое появление в комнате. Это ясно сигнализировало мне – нужно собраться и быть готовым к неожиданностям.

Я огляделся и быстро понял, откуда ждать подвоха. Илья Стефанович сидел с масляно-довольным, но слегка смущенным выражением лица («сейчас узнал я друга»), на котором как-то особенно гордо выделялся его «монокль» – более густая капиллярная сеть вокруг правого глаза, делавшая его порой похожим на интеллигентную ипостась профессора Ум-Ужалло из известного романа братьев Иосифовых. Он молчал, как-то виновато, но с торжеством глядя в мою сторону. Было ясно, что мой приход прервал какое-то важное его сообщение «для всех». И я оказался прав.

– Илья Стефанович, – раздался голос Лидии Федотовны, которая, как частенько бывало в подобных случаях, явно не желала «играть в политесы», и жаждала ясности, – так, сколько они все же берут – шесть или семь цистерн и могут ли принять цистерны с нижним сливом? Мне ведь шеф велел срочно звонить в «Желдорсервис» и заказывать цистерны на следующую неделю!

Илья ещё немного «подержал паузу», глядя на меня со всё возрастающей уверенностью и даже наглостью, а потом как-то лениво и устало сказал:

– Да что вы ко мне пристаёте? Я ведь только так позвонил, чтобы помочь Игорю Петровичу.

Он ещё помолчал и, наконец, решился «рубануть правду-матку» прямо в лицо, «по-товарищески»:

– Я ведь человек маленький и бедный – табаков заморских не курю... А то ведь, пока Игорь Петрович, в клубах своих ароматных «Червей амброзии» обдумывает, с какого бока к Александру Петровичу подкатиться – а по мне, так нечего об этом думать: бери конверт и дуй в Амгарск! – там ведь рабочий день оканчивается...

И, видимо, решив придать легитимности своему поступку в глазах коллектива, добавил:

– Мне сам Игорь Петрович с утра сказал, что нужно бы позвонить, но, как я понимаю, после беседы с шефом он мог и позабыть об этом, они ведь с Василь Василичем там о чем-то важном говорили...

И, увеличивая накал ерничества, впал в самоуничижение:

– Нам, маленьким, об таких вещах и подумать страшно, да и мозгов не хватит – опилки ведь в наших головах, а не мозги...

И, уже «выруливая» на приличное завершение, но все ещё в пылу торжества, закончил преамбулу своего сообщения:

– Вот я и решил, не тревожа дум Игоря Петровича, не отвлекая его от новых планов, узнать – а что там, в Амгарске? И тут же, конечно, всё Игорю Петровичу и рассказать!

После завершения преамбулы Илья Стефанович поднялся с кресла и уже стоя обращался прямо ко мне. Голос его окреп, и он приобрел весьма импозантный вид – чуть наклоненная выразительная голова с копной редеющих, но весьма благородных седин, маленький, но для его роста вполне солидный животик, выкатывающийся из-под белого, с риново-синатовым оттенком, хорошей вязки свитера, чуть согнутые, со сжатыми кулаками руки.

Весь его облик говорил о совершенной уверенности в правильности и обсуждаемого сейчас своего поступка, и вообще – в правильности своего мироощущения. Особенно ясно это было видно по его глазам – жёстким и не скрывающим своей пронизательности, чуть увеличенных очковыми «цейсовскими» линзами, ладно сидевшими в итальянской оправе, которая гармонично сочеталась и с его «моноклем», и с резко изломленными, ещё не седыми бровями.

– Так вот, Игорь Петрович, позвонил я в Амгарск. Там трубочку взял сам Александр Петрович, который как раз вернулся с совещания у руководства по вопросу о том, что нужно срочно предпринять в связи с плачевным положением дел в отделении крекинга. Катализатор сел и октан бензина валится вниз.

Я внутренне возликовал. Не такой уж я плохой Ремесленник. Все-таки есть во мне что-то и от Мастера! Как я угадал! Какой булыжник свалился с души! Этими своими словами Илья как будто отпускал мне грех обмана, ведь я сказал шефу правду – в Амгарске действительно прошло совещание «по нашему вопросу».

– И звонок мой оказался очень кстати – он как раз размышлял о том, кому позвонить по поводу срочной поставки им 300–400 тонн ММА.

Илья на мгновение прервался, а потом вновь подчеркнул свою удачливость:

– Звонок мой в яблочко попал! Там сначала было занято, а потом, когда я «прорвался» со второго раза, Александр Петрович меня спросил – не я ли ему пять раз за последние пять минут звонил – он слышал, что звонит межгород, но как-то все срывалось... Ну, короче, договорились мы, что на следующей неделе к ним прилетит наш представитель. Он ещё уточнил: «Не Игорь ли Петрович?». На это я сказал: «Вполне возможно, но у нас решает эти вещи шеф».

Последняя фраза Ильи не была, разумеется, случайной. Такая командировка многое обещала, и съездить туда было явной удачей. Так что вопрос о том, кто поедет, действительно был пока открытым.

Как бы примериваясь к возможной поездке, Илья продолжал:

– Понятно, что нужно привезти ему конвертик, чтобы он подписал с нами договор. Но вот какого размера – это, конечно, вопрос... Не видел я его, а по голосу определить трудно.

На этом отчет о разговоре с Амгарском Илья закончил, но было ведь и что-то после этого. Илья уже выговорился, рассказывая о своей победе, потому об остальном он говорил уже без энтузиазма, стараясь побыстрее закончить разговор:

– А тут как раз шеф по «матюгальнику» ехидно так спрашивает: «А чем там занимается Илья? Опять девок по Интернету ловит?». Ну, я, естественно, возмутился таким поклепом на себя и сказал, что я-то как раз в Амгарск прозвонился... Он сразу вызвал меня к себе, и пришлось всё докладывать... Так что вам я уже не успел...

Я не хотел сейчас разбираться в подоплеке этого ильевского рассказа (а она была, я это чувствовал), важнее было понять новую «производственную ситуацию». И лучше всего было это сделать, вернувшись в зеленое кресло и выкурив ещё одну трубочку. Но, понимая меня без слов, именно этого шеф мне сделать не дал.

Он наверняка слушал ильевский рассказ и знал о том, что я в комнате и теперь «в курсе», но решил поиграть в отстраненность. Или захотел получить дополнительную информацию, «не выпуская» меня из комнаты – не знаю, но «матюгальник» у него над дверью угрожающе затрещал, и из него раздался вовсе не грозный, а энергичный и даже веселый голос:

– А что, Игорь Петрович всё ещё с трубочкой прохлаждается? Ладно, пусть себе побездельничает – не в первый раз, пять минут ещё потерплю. Не надо его звать. Но как только появится – сразу ко мне!

И коробочка со щелчком умолкла.

Выйти покурить я уже, естественно, не мог, но пара минут для размышлений у меня была. Я быстро прикинул новый расклад сил. Получалось, что «медаль на грудь» за доброе известие из Амгарска и грамотно проведенный разговор с Александром Петровичем (и, разумеется, несколько «лишних» лысорозовых бумажек в раздаваемых нам сегодня конвертах) получит Илья Стефанович.

Ну, что ж! Повезло «малышу», как иногда за глаза называли у нас Илью. И меня по носу щелкнул, и фирме помог и себе на очередную модель какой-нибудь электронной железки, до которых он большой охотник, заработал. Но и я не сильно проиграл – о совещании-то в Амгарске шефа с утра я «предупредил»! А, значит, получалось, что я с утра «думал о делах», а не «в небесах витал». И то, что Александр Петрович именно меня видеть хочет тоже мне в плюс идет, есть, значит, у меня хватка и сумел я нужного человека «охмурить». (Так сказала бы Татьяна, а шеф формулирует по-другому – «Сильный у Вас имидж, Игорь Петрович»).

А значит лететь мне на следующей неделе в Амгарск и кушать там папоротник под майонезом и омульком байбальским рюмку «Абсолюта» закусывать... Да и командировочные у нас настолько хорошие, что я и потерю тех «лысых», которые сегодня вместо меня Илья считать будет, почти компенсирую.

Сам Илья уже сел в кресло, но клавиатуру не трогал, молча барабанил пальцами по столу и с напряжением ждал моей реакции. Понятно, что и все остальные тоже ждали, как яотреагирую на рассказ Ильи. Ждали с некоторым напряжением. Внешне все выглядело так, будто и Лидия Федотовна, и Елена Петровна, и Татьяна, и Елена Никоновна, и Бурый, вроде бы были заняты своими текущими делами. Но каждый из них понимал, что и проявленная Ильей инициатива, и то, как дальше будут складываться отношения с Амгарском, напрямую повлияет на толщину их сегодняшних, и, самое главное, следующих, предновогодних, особенно желанных и значимых, конвертов. А успех амгарских дел теперь увязался со слаженностью наших с Ильей отношений.

Только Иосиф Самуилович не вникал в это хитросплетение интересов и спокойно читал какой-то фолиант, спасенный им из ликвидированной библиотеки одного из лучших когда-то отраслевых институтов. Только он один не понимал той издевки, которая стояла за словами Ильи о его «помощи» мне. Все остальные умели определять толщину выносимых из кабинета шефа конвертов «на глаз», не хуже томографа просвечивая содержимое внутренних карманов пиджаков и кофточек их владельцев (особенно когда кто-то по рассеянности надевал холодный пиджак перед тем, как зайти в кабинет). А то, что за «добрую весть», которую выхватил у меня из рук сегодня Илья Стефанович, полагалось утолщение содержимого конверта, тоже ни для кого, кроме Иосифа Самуиловича, секретом не было. Так что всех интересовало – как яотреагирую на столь явный «грабеж», как буду держать удар.

Я уже успокоился и потому вполне дружелюбно сказал:

– Спасибо, Илья Стефанович! Вы – истинный единочаятель и умелый сотрапезник! Куда бы я без вас делся...

Илья мгновенно истолковал мою интонацию в том смысле, что на этот раз я смиренно признал его победу, тут же скроил плаксивую физиономию и начал балаганить:

– Ну, вот, опять меня обижают! Никто меня не любит, а я такой мягкий и пушистый...

В доказательство последнего своего утверждения он кокетливо оттянул ворот своего действительно роскошного свитера и доверительно сообщил:

– Одна знакомая три месяца вязала!

Но плаксивость вдруг столь же мгновенно сменилась решительным рыком, обращенным к Татьяне:

– Бор-ры-совна! Куда делось то письмо из Даргомыжска, где они про закрытие станции писали?

Он забегал по комнате, причитая:

– Важная ведь бумага! Там после самого письма и дурацкой рекламной картинки, где стрелочник переводит стрелку на «путь технического прогресса», еще список был тех станций, которые они рекомендуют для временного использования в период их реконструкции! Куда ты...

Тут его глаз упал на подоконник, где Лидия Федотовна кипятила утром себе чай и...

Но я так и не узнал, чем закончилось его объяснение с Лидией Федотовной. «Матюгальник» уже проснулся, и голос шефа, наверняка слышавшего в режиме прослушки рассказ Ильи и теперь, после правильного своего маневра с пятиминутной отсрочкой вызова, и мою реакцию на ильевскую инициативу, уже не маскируя свою осведомленность о моем местопребывании, с легкой укоризной произнес:

– Игорь Петрович, я же просил – зайдите!..

Глава 10

О втором разговоре с Василием Васильевичем об Амгарских делах, нашей с ним попытке бросить курить, особенностях и традициях занятия мест на производственных совещаниях, конспект типичного выступления шефа, а также об успешно выдержанном мною экзамене, в результате чего я получил командировочное задание.

*С силой дивной и кичливою
Добровольного бойца
И с любовью ревнивою
Иступленного жреца,
Я служил ему торжественно,
Без раскаянья страдал
И рассудка луч божественный
На безумство променял!*

Василий Васильевич сидел в своем кресле и прилаживал очередную ароматную палочку. Мы привезли их из нашей давней совместной поездки на Канары. Он тогда купил сразу несколько пачек, а я, не являясь поклонником такого ароматизатора, только одну – «за компанию».

Это дело было давнее, и те, канарские, должны были уже кончиться, но теперь и в Мокве такого добра было «навалом» и Василий Васильевич наверняка уже не единожды пополнял свой запас.

Но все равно, каждый раз, когда он доставал палочку, поджигал ее, и по кабинету расплзался этот типичный «восточный» аромат, я вспоминал наши с ним прогулки вдоль холодного для купания январского океана с остановками в прибрежных кафе.

Особенно хорошо было в одном из них, когда неспешную нашу беседу «о том о сем» время от времени прерывал фонтан, вырывающийся из щели в лавовом наплыве недалеко от столиков этого открытого кафе при накате особенно сильной волны прибоя. Струя фонтана с шумом возносилась метров на пятнадцать красивой темно-красной колонной на фоне ясного ринового, переходящего в неоловое на горизонте неба, распадалась на части в верхней своей точке и падала на черный покатый лавовый берег, дробясь в полете на все более мелкие капли и обрушиваясь на ближайший каменистый кряж коротким, но мощным ливнем, порождающим массу мелкой соленой водяной пыли, розовой своей ватностью напоминавшую неожиданное в этом месте облако...

Вообще-то мне эти «восточные благовония» не очень нравятся, хотя и раздражают не сильно. Я к ним, скорее, равнодушен. Но когда там, на Тенерифе, я покупал пачку, до сих пор лежащую нераспечатанной в ящике моего письменного стола, я был не в состоянии противостоять напору шефа, особенно мощного в случаях, когда он считает, что тем или иным советом, рекомендацией, он «отечески заботится» обо мне.

«Я служил ему торжественно» и вообще-то решаюсь не выполнять его рекомендаций только уж когда его совсем «заносит», например, когда он пытался заставить меня делать какую-то дыхательную гимнастику или в очередной раз склонял бросить курить. Правда, борьба с курением – дело особое. Попытки увещевать меня с этой целью предпринимались им неоднократно. Но он, как человек разумный, понимал, что каждый раз я внутренне недоумевал – дескать, «а судьи кто?» в смысле «врачу, исцелися сам!». И тогда он шел на подвиг, показывая мне пример. В таких случаях я, сочувствуя ему безмерно, иногда присоединялся к этому самоедству, и даже держался с ним пару недель...

Помню курьезный по сути, но очень для меня памятный и неприятный случай. Случилось так, что я уговорил его поехать на одну «сходку» в Екатериноград, где собирались переработчики вторичного люминдия для дележа рынка вторсырья. (А мы тогда пытались – не очень, правда, удачно, – поиграть и на рынке цветного металлолома). И он решил воспользоваться этой командировкой для очередной попытки побороть «антикотинового змея».

«Перемена обстановки, напряженная работа – все это отвлечет нас от козней этого гада», – сказал он мне. Но, чтобы «не делать резких движений» (а это житейское правило почиталось у нас серьезно), мы решили, что каждый будет вправе выкуривать одну сигарету в день. В любое время и в любом месте. Но – одну!

По состоявшемуся уговору, можно было и «забычаривать», чтобы продолжить «законное» курение, но лучше всего позволять себе «расслабиться» вечером, перед сном, за чашечкой кофе, совместно анализируя дневные события. (Как-то не пришло в голову при этом договоре, что кофе перед сном было явно лишней деталью, но в тот момент нам обоим казалось, что эта сигаретка будет лучшей наградой нам за «трудовые подвиги», а потому должна употребляться с максимальным комфортом. А какой комфорт без кофе!).

В самолете мы мужественно терпели «ломку», и пили кофе, и запивали его томатным соком, «весело» демонстрируя друг другу, что ничего другого нам и не хочется! А когда прилетели и приехали в гостиницу, то нетерпение мое и антикотинная жажда достигли уже таких пределов, что я нарочно отстал от Василия Васильевича в запутанных гостиничных коридорах и переходах (как бы «потерялся») и где-то за углом жадно сделал пару затяжек той «единствен-

ной» на этот день сигареты, которая заранее была отложена в люминдиевый чехольчик из-под сигары (специально для того купленной и безжалостно выброшенной!). . .

Сознаюсь, что к этому моменту она уже не была собственно сигаретой, а представляла собой ещё солидный, но все же уже «бычок», ибо я «лишил ее девственности» еще в туалете моковского аэропорта «Домопапово», откуда мы вылетели три с половиной часа назад. Но совесть моя была чиста – «правило одной сигареты» я пока не нарушил!

Правда, чистота эта была относительной, поскольку я уже решил, что оставшийся к концу дня вонючий бычок я тайно, перед оговоренной вечерней процедурой совместного анализа и распития кофе, выброшу и положу в чехольчик девственно-чистую, пахнущую ментолом, «длинноногую „Мооге“» из лежавшей в кейсе изящной фиолетовой пачки.

Затягивался я с наслаждением, ибо был уверен, что шеф, потеряв меня, паниковать не будет, понимая, что я не маленький ребенок и уж свой-то номер в гостинице найду, а потому спокойно пойдет к себе и ляжет отдохнуть с дороги. Но я недооценил степени его ответственности за порученных им своему же попечению сотрудников!

Обнаружив мою «пропажу», он бросился меня искать. И я буквально вздрогнул от стыда и страха быть уличенным в своем «проступке», когда слева, из-за поворота коридора раздался его раздраженно-нетерпеливый голос:

– Игорь Петрович! Ну, где же вы застряли?

Как мне теперь кажется, он тоже был на грани антикотинового срыва и мечтал как можно скорее скрыться в своем номере и без помех выкурить (или, соблюдая уговор, только прикурить на пару затяжек) ту самую единственную сигаретку, которую он, конечно, не хранил в отдельном чехольчике, а «мужественно» достал бы из кожаного портсигара. Я знал, что он туда положил ровно три штуки – по числу дней предполагавшейся поездки.

Но и он, так же как и я, не хотел обнаружить свою «слабость» и боялся, что, положив вещи в свой номер, я буду искать его для получения указаний. При этом я неизбежно «застукаю» его за той самой чашкой кофе (одна ложечка из маленькой банки и один кусочек сахара), прервав блаженство – рассмотрение Екатеринбургского пейзажа за окном, в открытую форточку которого уходит тоненькая риновая струйка ароматного дыма. . . И он искал меня, чтобы заранее уточнить наши дальнейшие планы и взять «тайм-аут» для священнодействия с кофе и сигаретой.

Я поперхнулся, замахал пальцами, как оципанный петух, разгоняя дым, и, стараясь не дышать в его сторону, чтобы не выдать себя предательским запахом, шагнул из-за угла ему навстречу:

– Да здесь я, Василь Василич!..

Он коротко взглянул на меня и, конечно, все мгновенно понял. Молча выразительно понюхал воздух, а потом сказал, устало и с досадой:

– Ну, да ладно! Что я, в конце-концов, нянька какая-то, что б за вами смотреть? . . .
Делайте как знаете. . . Встретимся в холле через час.

И, не взглянув более в мою сторону, повернулся и пошел направо по коридору. И пока он не скрылся за дверью своего номера, я стоял и «сгорал со стыда», подобно нашкодившему первокласснику, подтверждая тем самым его представление о нас всех, как о «детях малых и несмышленных», за которыми папин пригляд ещё ох как был нужен!..

А я, остывая от этого непонятного стыда, злился и на него, и на себя (не знаю, на кого больше) и давал себе зарок больше никогда не обещать ему того, что не было бы точно в моих силах. И внутреннее это слово держал, никогда не говоря ему: «Сделаю, Василь Василич!», но всегда – «Я постараюсь, шеф. . .».

Кстати, в той командировке особенно выпукло для меня проявилось его «звериное чутье» на опасность. Когда утром за нами пришла машина с каким-то, на мой взгляд, вполне обыкновенным референтом, Василий Васильевич, поговорив с ним буквально пару минут (я

при этом не присутствовал – они разговаривали в номере шефа), сослался на неважное самочувствие и сказал, что не поедет на встречу, пока не пройдет его недомогание. Референт оставил адрес и уехал, а мне шеф, ничего не объясняя, велел срочно брать обратные билеты.

Вернувшись в Мокву я узнал, что мы чуть было не попали на настоящую воровскую сходку, где, оказывается, обсуждался раздел «черного рынка цветных металлов»! Сходку посетила и милиция.

Вот как описывалось все это потом в Интернете: «...разгром сходки имел скорее психологическое, чем практическое значение. Видимо, оперативники ГУБОП лишний раз хотели продемонстрировать криминальным генералам свою осведомленность в их делах и объяснить, кто на самом деле в городе хозяин. К тому же назрела необходимость обновить картотеку, которая теперь пополнилась новыми именами». Вот только этого нам и не хватало – попасть в ЭТУ картотеку...

Василий Васильевич, между тем, пока я предавался воспоминаниям, приладил-таки дымящуюся палочку с каким-то «церковным» запахом, закрепив ее в специальную щель специальной подставки, закурил очередную тонюсенькую сигаретку из плоской, в один ряд, светло-неоловой, почти белой пачки, и сказал:

– Да вы присядьте поближе, Игорь Петрович! Не на совещании же мы...

То, что он пригласил меня в другое кресло, было знаменательно. И уж точно это не было пустой формальностью! Дело в том, что на общих обсуждениях, которые назывались «совещаниями», каждый из нас имел в его кабинете строго определенное место, определявшееся как «историческими традициями» (кто как когда-то сел), так и положением садившегося во внутренней иерархии.

Последнее определялось теми волевыми «поправками» хозяина кабинета (взгляд, а то и жест), которыми он указывал «забывшемуся» сотруднику его место, когда рассаживал вошедших в кабинет по команде: «Все ко мне!». А такая команда раздавалась из динамиков «оперативной связи» на наших столах раза два-три в день. «Поправки» усваивались быстро и путаницы не возникало почти никогда...

Разве только Иосиф Самуилович вдруг, задумавшись о технологических аспектах какого-нибудь пятого начала термодинамики, ничтоже сумняшися, не занимал кресла Бурого, которое стояло ближе ко входу, или Елены Петровны, в таких случаях смущенно топтавшейся рядом, не решаясь побеспокоить мировую знаменитость («без пяти годов нобелиата», как прозорливо ёрничал Илья), и получала возможность обустроиться на своем месте только после того, как заметивший неловкость шеф говорил чуть с укоризной, но мягко, понимая, что тут нет злого умысла:

– Йося, подвинься, дай трудолюбивой ее место...

«Иерархические Правила занятия места» были, разумеется, неписанными и довольно сложными – я так и не понял многих их тонкостей. А они были.

Например, где должна была сидеть Елена Никоновна, всегда бывшая по «иерархии» отнюдь не «у башмаков фортуны», но которую все эти заморочки с химическими составами, сливными патрубками, и прочими техническими подробностями не касались вовсе? Ведь ее могли в любой момент позвать к телефону, на другом конце провода которого сидел сам Митя из банка! Естественно, только рядом с выходом из кабинета, чтобы успеть по пути до своего стола выкинуть из головы занудные фразы из доклада Бурого о крючкотворстве закраинской таможни, вспомнить номер и дату последней платежки, а так же и указанную в ней сумму до копейки. И при этом не заставить Митю даже предположить, что по его звонку она, Елена Никоновна, мешкает с ответом!

Но «в первом приближении» физическая «близость к телу» начальника означала и большее беспокойство при обсуждениях, поскольку шеф чаще обращался к «ближнему кругу» с

вопросами и внимательнее следил за реакцией на свои рассуждения, но и... большую толщину конвертов, получаемых в «день воздаяния»!

Мое местоположение в последнее время (а за все время работы я занимал разные места и в разных кабинетах, случалось, что и «о шую» кое-где сиживал!) было таково, что я сидел даже не за столом, а в покойном кресле у стены, рядом со шкафом и журнальным столиком. И мог даже, при желании, не смотреть в глаза шефа, поскольку между нами располагалась широкая в плечах фигура Ильи Стефановича. Мне это было очень удобно – иногда я буквально засыпаю под монотонный, на полчаса, монолог шефа.

Типично начинался он с того, что «Мы все – одна семья и потому нужно лучше работать и думать не о девках (взгляд с сожалением в сторону Ильи), и не о бревнах (укоризненный взгляд в сторону Бурого, который как раз собирал свой сруб), а о том, чтобы до мозолей на пальцах, до крови на ладонях, крутить диски телефонных аппаратов (поощрительный взгляд в сторону Лидии Федотовны) для привлечения новых покупателей».

Дальше монолог развивался по спирали. «Наша надежда – наша фирма. И сейчас нужны новые схемы, а не девичьи слезы (вызывающий взгляд в сторону Татьяны), нужно выдавать новые идеи, а не мямлить за мой счет по телефону „Вас беспокоит... Из Моквы...“ (колючий взгляд на Иосифа Самуиловича). И помните, только здесь, в этом кабинете, вас действительно ценят. В любом другом месте за 200 „розовых бутонов“ люди буквально пашут на начальников, которым наплевать на их проблемы (упорный взгляд на сидящую „очи долу“ Елену Петровну), которые компьютеры не для „политики“ держат (ищет глазами меня, но натывается на ответный взгляд Ильи, недоуменно вопрошающий: „Ты что, опять про меня?“)...»

Если все-таки начальственный взор пробивается за ильевский затылок, я за время задержки освобождаюсь от дремы и придаю глазам осмысленное выражение. Правда, не всегда успеваю окрасить его соответствующей виноватостью, а потому с командного поста мой ответный взгляд кажется упрямым и дерзким. А после этого монолог уходил на третий круг: «Вокруг – одни волки поганые, а мы – одна семья. И слушайте папу, папа плохого не пожелает, и только папа защитит вас...»

Так что дремать за спиной Ильи действительно, как правило, удобно. Но вот когда этот, по столь упорно внедряемой в наше сознание Василием Васильевичем генеалогической классификации сотрудников, «единокровный мне брат», глядя, как положено, в глаза шефа, а ко мне обратив хорошо подстриженный затылок, и, даже ухом не поведя в мою сторону, вещает своим красивым и уверенным голосом: «Я, конечно, лентяй и бездельник, но за фирму болею, ты знаешь это, Василий. А вот Игорю Петровичу, при его уме и способностях, нужно бы поменьше грезить о мировых законах, а побольше общаться с коллегами...», мое «географическое положение» в кабинете не кажется мне таким уж большим подарком судьбы...

Сейчас же шеф посадил меня именно в ильевское кресло и рассудительно сказал:

– Ну, что же! Вы были правы, в Амгарске действительно о нас не забыли, и я был совершенно искренен, когда благодарил вас за прошлую туда командировку. Теперь, благодаря разговору Ильи Стефановича, ясно, – «ненавязчиво» похвалил он Илью и, одновременно, пожурил меня за нерасторопность, – что уж на 6–7 цистерн мы можем рассчитывать! Теперь нужно срочно лететь в Амгарск и «дожимать вопрос»...

– Конечно, Василь Василевич! – отозвался я с энтузиазмом, – и дожимать лично, в кабинете или в ресторане...

– Каковы ваши предложения?

Шеф любил устраивать такие экзамены – проверять зоркость и остроту взгляда своих послов. Конечно, мне было далеко до таких асов «финансового взвешивания» как Илья или набирающий в последнее время силу «Бурый» – Сергей Беремшин, постепенно теснящий наших фирменных «зубров» (или, по классификации шефа, «волчар») с их позиций.

Он уже сидит за столом совещаний по правую руку от Ильи. И так удачно, что если не считать места шефа (а не считать его в действительности мог бы только глупец или безумец, каковых в этом кабинете побывало, правда, немало, но ни один из них так ведь и не удостоился штатного места), то оно, пожалуй, было самым «начальствующим» и «демократическим» одновременно.

Все основные «игроки» были равномерно рассредоточены вокруг кресла Бурого. И, когда с некоторых пор шеф время от времени пытается играть в демократию (не уверен, что это бывает именно сознательная игра, может быть – это просто самообман «стареющего барона»), своим «заместителем» он назначает именно Бурого. Он даже провел пару каких-то «самостоятельных» обсуждений «в роли начальника».

Но ни Ильи, ни Бурого, на этот раз в кабинете не было, и вопрос адресовался именно мне. Выдержу я сейчас экзамен – полечу в Амгарск самостоятельно. Нет – будет со мной «помощник», чтобы, выражаясь на нашем жаргоне, «таскать портфель» за мной. (Я, вообще-то, и по натуре, и по классификации шефа, «одинокий волчара», и не люблю работать ни «под кем-то», ни «над кем-то», а «вместе с кем-то» удается крайне редко, пожалуй, я могу припомнить только наши ранние с Ильей командировки в Берлингуер, где мы пытались организовать производство керамических плиток из жженой опоки).

То есть формально в случае, когда рядом со мной будет некий «носильщик портфеля», я буду работать «над кем-то», но, как не скрывает своего отношения к таким тандемам шеф – этот Некто должен и «приглядывать» за мной («для пользы дела», разумеется), чтобы вечерами, в гостинице, давать советы «по деликатным вопросам». При этом советы будут такими, что я либо должен буду принимать их сам и сразу, либо получать озвученными уже в форме указаний по телефону из Моквы от Василия Васильевича.

Вот почему я внутренне собрался, сконцентрировался, и представил себе ещё раз кабинет Александра Петровича, амгарского директора по финансам, вспомнил его крупную, чуть рыхловатую фигуру в дорогом темно-неоловом костюме, открытое, не очень яркое, но весьма выразительное лицо с характерным, чуть «приглушенным» рисунком лицевых сосудов. Это однозначно свидетельствовало – не был он склонен к коньячным развлечениям, и решать вопрос нужно будет именно в кабинете, а водку с омулем пить за успех придется одному в гостиничном ресторане. На этом лице явно было «написано», что его обладатель не для того лишь явился в этот мир, чтобы мерить байбальскую тайгу с ружьишкой на плече да гонять по Амгаре на «стосильной» яхте, распугивая по утрам браконьеров.

По густо ветвящимся ниточкам сосудов в лобовой части, да ещё такого «благородного» рисунка (почти как на портретах Рембрандта или Серова), легко было распознать его предрасположенность к умственной работе, причем рисунок был здорового оранжевого цвета.

Вспомнил и его постоянные сетования на зависимость от моковской администрации «Юкоси», ностальгические сожаления о временах, когда он сам был технологом и думал о температурных режимах в колоннах, а не об обеспечении ярко-синими, хорошо видимыми на фоне дневного неба, форменными куртками монтажников-высотников. Мысленно отметил его беспокойство за дочку – студентку одного из моковских ВУЗов («Ох, опасна и соблазна для девиц Моква-река», – напел он мне как-то строчку из известного в свое время хита молодой Аллы Страховой).

Всплыли в памяти и его рассказы о каких-то мелочах быта – например, о предпочтении им и моего любимого кофе «Чибо».

И, собрав всю эту информацию на одной чаше весов, я на другую мысленно бросил «штуку лысых». Чаша эта оказалась явно легковатой, и пришлось добавить ещё «штуку».

Коромысло весов дрогнуло, но чаша с моей информацией так и не пошла вверх. Я вздохнул, демонстрируя шефу, как тяжело мне планировать расходы родной фирмы.

Правда, говоря начистоту, жалко было не денег фирмы, жалко было «вынимать живые деньги из собственного кармана». (Точнее, из того кейса, который Бурый и Елена Никоновна внесли в этот кабинет сорок минут назад и который пока так и стоял возле левой, дальней от входной двери, тумбы шефовского письменного стола).

И вынимать для амгарского «чужого дяди», лишая тем самым себя, шефа, Илью, Татьяну и всех остальных законно нами заработанных и предвкушаемых нейлоновых трусов. Но ведь без этого сегодняшние «короткие трусы» все равно износятся не дольше, чем за месяц, а исчезнут те, длинные, которые не только срам прикрывают, но даже и колени греют, причем исчезнут даже в перспективе, а потому я и выдохнул решительно:

– Пять, Василь Василич!

Он остался абсолютно бесстрастен, и только чуть вздрогнувшая рука, в коротких, пронизанных темно-красными капиллярами пальцах которой светился зеленый огонек очередного карандашика легкой сигареты, показала, что я услышан.

Помолчав ровно столько, сколько потребовалось бы на серьезные раздумья, не будь в его голове уже сформированной с учетом известных и неизвестных мне обстоятельств цифры (а она была – я в этом уверен, поскольку на том клочке бумаги, который я уже видел на его столе, я сумел разглядеть шефовские каракули «Ал. Пет., Амг» и какое-то число, скрытое от моего взгляда лежащей на бумажке авторучкой), он спокойно сказал:

– Хорошо, Игорь Петрович! Скажите Елене Никоновне, что вы согласовали эту цифру со мной.

Потом внимательно посмотрел мне в глаза. Я уже мысленно ликовал, поскольку вопрос о «носителе портфеля» даже и не возник, а это означало мою победу, но внешне старался не проявлять своих чувств. Мне показалось, что я выдержал этот взгляд достойно. Но он вдруг спросил:

– А что, Александр Петрович там один? Разве никто больше из отдела снабжения и транспортного цеха вам не нужен? А в бухгалтерии, чтобы платежка вовремя пошла, а секретарша, которая должна протокол написать?.. Вы что, успеете их всех «окучить»?

Я мгновенно понял, что радоваться было ещё рано, и что вот именно теперь и появилась на моем пути в Амгарск та кочка, споткнись я на которой, и меня тут же услужливо «поддержит под локоток» тот самый «помощник с портфелем». Соображать нужно было быстро, а отвечать – весомо. И я сумел сохранить холодность рассудка и ответил в том же спокойном и уверенном тоне:

– Конечно, Василь Василич, всё это я тоже понимаю, но думаю, что если я не буду сидеть в гостинице, то сумею все эти задачи решить.

Я слегка усмехнулся, пряча за усмешкой свой страх за результат использования этого рискованного аргумента. Риск состоял не в том, что я признавался в своей возможной слабости, а в том, что этим признанием я довольно грубо льстил его проницательности относительно этой моей слабости.

А он – это я знал ещё со времен начала нашей совместной работы – тонко чувствовал лесть в свой адрес, отличал от искреннего восхищения и, естественно, не любил ее. Но эта способность – умение увидеть под маской почтения льстивую усмешку – довольно быстро теряется. И у человека, достаточно долго пребывающего начальником, ожидать наличие такой способности было бы по-юношески наивно.

«Здесь и сейчас» и я уже не был юнцом, да и он второй десяток лет разменял «на руководящей работе». Но его «менеджерский талант» был столь велик, что вполне могло оказаться – не утратил он ещё этого счастливого для всякого руководителя и губительного для подхалима качества. Так что я и грешил и рисковал серьезно. И уже второй раз за сегодня. Что это со мной?

По его колебанию, которое я легко почувствовал, ибо он его и не скрывал, задумчиво вороша кончиком ножа для разрезания книжных страниц пепел от почти сгоревшей ароматной палочки, я понял, что игра идет «ва-банк», что сейчас – «или грудь в крестах, или голова в кустах» – и столь же спокойно и с той же усмешкой продолжил:

– И стоять это будет не дороже, чем посылать со мной носителя портфеля с «шоколадками для секретарш».

Этот новый поворот помешал ему осознать смутно прочувствованную фальшь моей предыдущей фразы, он нахмурился (перспектива новых «накладных расходов» всегда вызывала в нем естественное раздражение). Прикинув в уме цифры (полет в Амгарск – это не пустяшная поездка в какой-нибудь Старомоковск или даже Рязань, и командировочных денег съест столько же, сколько чуть ли не десяток поездок в Даргомыжск), Василий Васильевич угрюмо спросил:

– И сколько же это, Игорь Петрович?

– Две, Василь Василич, – твердо ответил я.

– Ну, обойдетесь в полторы, – не менее твердо поправил меня он, – купите секретарше «Катюшку», а не «Рафа Эллу», а Александру Петровичу привезете не «Курвозелье», а бутылку «Моковского»... И закончим этот разговор. Идите и готовьте проект договора. Покажете его мне и можете бежать покупать билет в Амгарск. На завтра – нечего здесь сидеть! В Мокве денег нет. За ними ездить нужно...

Всё! Победа! «Возликуй же, гордый Расс!...». Но наваливалась не радость, а усталость и чувство некоторой брезгливости, как будто недостаточно чисто вымыл руки после посещения «места сообразного облегчения». А потому я ответил, не очень выдерживая правильные интонации:

– Спасибо, Василь Василич! Постараюсь не подвести...

– Ладно, ладно!.. Спасибо вы мне сегодня после обеда говорить будете. И когда я вас вызову, не надевайте пиджака со спинки кресла – пусть он будет на вас тепленьким. (Это он намекает на предстоящую выдачу конвертов и предупреждает от конфуза). Идите, но не болтайте там лишнего! (Тоже мне, «секрет Полишинеля», все давно уже ждут этого «после обеда»!).

– Конечно, Василь Василич! Я же понимаю...

И я вышел из кабинета, ощущая, несмотря на груз усталости, пробегающий по спине холодок – то ли от трепыхания вдруг прорезавшихся крыльев, то ли от страха провалить это дело, за которое я теперь отвечал и перед «фирмой», и перед собственным пониманием успеха, которое открылось мне четверть часа назад на грязном салатом кресле курилки под плакатом с энергичным предупреждением: «...НО!».

Глава 11

Об обеденной церемонии в нашей фирме, языковедческих аспектах конкретного бизнеса, застольных беседах Василия Васильевича с Иосифом Самуиловичем и Ильей Стефановичем, маленьких женских секретах, а также о моей житейской хитрости и нумизматической удаче.

*Молись, кунак, что б дух твой крепнул;
Не плачь; пока весь этот мир
И не оглох и не ослепнул,
Ты званый гость на божий пир.*

Я не пошел курить – наш разговор с шефом не был особенно долгим, а трубка утоляет антикотиновую жажду хорошо, да, к тому же, было уже почти два часа, и вот-вот должна была начаться «обеденная церемония». Она у нас, конечно, более проста, чем классическая чайная в Великоханьской Империи, но, если рассматривать степень традиционности как отношение срока существования какой-либо церемонии к длительности исторического периода существования общественной структуры, где она действует, то наша «обеденная» могла бы поспорить и с великоханьской «чайной».

Наша церемония сложилась на самых первых этапах существования «Ипотеха», в начале 90-х годов. С тех пор и по сейчас мы продолжали «самоидентифицироваться» именно так. Хотя формально и официально как арендаторы мы сейчас назывались «Химтранзит».

Дело в том, что названий наша фирма за эти годы сменила не меньше, чем я рабочих костюмов или Илья «боевых подруг» – чудеса российской налоговой системы заставляли порой переименовываться два, а то и три раза в год. Но образовались мы именно как «Ипотех». Формально это словообразование являлось аббревиатурой типичного бюрократического воляпюка «Инженерно-производственная оптимизация технико-экологических характеристик», а вариантам трактовки наших остроумцев несть числа – от псевдо-фольклорного «И потенье и потеха» до поэтических шедевров а-ля Саша Приванов – «Извлечение пользы из тени этой хренотени». Были, конечно, и непечатные расшифровки...

Все остальные названия-полугодовки забывались быстро. «Химбико», например. Стандартная аббревиатура: «Компания химического бизнеса». А бывали среди них и презабавные – например, «Милфорд сервисес эксклюзив» (это в период расцвета офф-шоров). Помню, какая морока была в заводской бухгалтерии Нижневолжского Верхнепидюшанска с оформлением договора на утилизацию производственных отходов. Мы освобождали их от мороки с местным «Госприроднадзором», забирая ядовитый шлам, которым они до тех пор много лет отравляли Волглу, но на нас смотрели как на «врагов народа», продавших «Матушку-Рассею» и подозревали в связях не только с Туманным Альбионом, но и – не к ночи будь помянут! – самим Телль-Анивом.

Или, помнится, было такое ЗАО «ДЭМИ». Кто такой этот Дэми, я и сам не знаю до сих пор, но отчетливо стоит в памяти картина, как на каком-то техсовете в Казани Илья Стефанович бодро расшифровывал «эту аббревиатуру» собравшимся в кабинете Главного технолога начальникам цехов как «Добротнo-экологические маслорастворимые ингредиенты»!

И от этой чехарды официальных названий порой «ехала крыша» у нас самих.

Мы сами запутались в собственных именах, и забавно видеть порой, как Илья или Татьяна (Бурый – никогда. У него отличная память на такие вещи) зажимают микрофон телефонной трубки ладошкой с ярко пульсирующей от волнения сеткой пальцевых сосудов, и почти истошно кричат по направлению к углу, где стоит стол Елены Никоновны, хранящей тексты всех наших договоров: «Лена!!! Кто мы сейчас в Каппелевце?!». И испуганная энергией этого вопля Елена Никоновна, у которой в обычных обстоятельствах (даже при неожиданном Митином звонке из банка!) ответ на такой вопрос «отлетает от зубов», лихорадочно листает пухлую папку переписки с Каппелевцем в поисках нужного договора...

Но, повторяю, между собой мы остаемся «ипотеховцами». В последнее время у меня это слово связалось с входящим в обиход (и в моду!) термином «ипотека». Я ощущаю это понятие как современную, цивилизованную форму рабства.

Вспоминается в связи с этим такое двустишие Вишневецкого: «Квартира, дом... Увязнет коготок – за них всю жизнь теперь пахать, браток!» Впрочем, местонахождение халявного кусочка сыра хорошо известно. А за все «реальные блага», которые нам нужны, чтобы «чувствовать себя белым человеком», нужно платить, и платить регулярно, вовремя отдавая свои долги.

И я полностью согласен с классиком нашей литературы Николаем Континентальским: «Надо прожить жизнь так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире – борьбе за освобождение человечества от халявной химеры».

Пока я предавался этим размышлениям, «обеденная церемония» началась. Она порой различается в деталях, поскольку жизнь наша чревата командировками как огромная тыква, выросшая на нателлином огороде, белыми жесткими «семечками», но суть ее оставалась неизменной.

Ещё со времен нашей первой «штаб-квартиры» на пятом этаже старенькой пятиэтажной крущобы без лифта повелось, что открывает церемонию Бурый. При его отсутствии начинаю я, или Илья, или ещё кто-то из «ветеранов».

И первым церемониальным действием является «разговор с дверью». Бурый, или тот, кто его заменяет, подходит к двери шефа, подмигивает всем сидящим в комнате, и нажимает кнопку голосового вызова:

– Василь Василич, можно пойти пообедать?

И дверь откликается голосом шефа:

– Идите, конечно, если невтерпеж! Но если пять минут подождете, пойдем вместе.

Стоящий у двери бодро сообщает:

– Конечно, подождем! А девочки пусть идут, ладно?

Дверь секунду-другую размышляет, а потом решительно накладывает на это сообщение «высочайшую резолюцию»:

– Татьяна и Елена! Что б не опаздывать! Одна нога там – другая здесь! И крутить, крутить, крутить телефон!

Но этой резолюции «девочки» уже не слышат – после первой же фразы начальствующей двери: «Идите, конечно...», – выходная дверь из комнаты в коридор успевает за ними захлопнуться...

Мы же – те из «мужиков», кто в данный момент не «прохлаждается в командировке» – маятно слоняемся по комнате ещё минут 10–15, поглядывая друг на друга голодными глазами.

И вот, наконец, кабинетная дверь быстро открывается и в комнату бодрым шагом входит Василий Васильевич. Почти не глядя на окружающих, он направляется к двери в коридор, бросая на ходу:

– Пошли, кто со мной!..

Тут уж не зевай, «ты званый гость на божий пир» – шеф любит, чтобы шли обедать все вместе, гурьбой, демонстрируя единство не только «на работе», но и «в быту». И если кто-то в этот момент к своему несчастью был удерживаем у рабочего стола не к месту прорвавшимся важным телефонным звонком, то Василий Васильевич, обнаружив его отсутствие, демонстративно останавливался в конце коридора перед выходом на лестничную площадку-курилку, и ждал, когда несчастный присоединится к общей группе, нетерпеливо при этом приговаривая шутливым тоном:

– Ну, где этот лентяй, в данную минуту симулирующий работу?

Сегодня процедура несколько усложнилась из-за того, что дверь на лестничную площадку была закрыта. Оказывается, из-за сильного холода на улице девочки из соседнего с нами офиса какой-то то ли испанской, то ли турецкой фирмы, пожаловались, что с площадки сильно дует.

Все утро терпели, а к обеду, видите ли, замерзли настолько, что попросили закрыть дверь и дежурный сделал это, обрекая себя на мотание по коридору перед каждым «фирменным» (сотрудником фирмы-арендатора) курильщиком.

Увидев нашу группу, к нам поспешил охранник – все тот же круглолицый Борис, но не один, а в сопровождении своего нового шефа. Этот недавно, недели две или три тому назад, сменил старого – сухонького живчика, Аркадия Ильича, крикуна и матершинника, известного нам по его разносам, разлетавшимся по всем коридорам этажа, когда он, бывало, орал на встрепанного и осоловевшего от бесконечного американовского телесериала секьюрити, не заметившего прихода начальства: «М...к стоеросовый! З...пу чешешь на посту? Куда смотришь, раз...ай!».

Этот же был совсем другой – грузный, вальяжный, добродушный боровак, в приличном фланелевом костюме цвета маренго, время от времени ходивший по этажам проверять несение службы «своими орлами» и никогда не повышавший голоса. Вот и сейчас он случайно оказался в нашем коридоре так тихо, что я даже сначала не обратил на него внимания.

Подошедший Борис услужливо – и даже подобострастно! – поздоровался с Василием Васильевичем и представил его своему начальнику:

– Это Генеральный директор наших самых дисциплинированных клиентов – и дверь за собой закрывают, и никаких к ним пустых людей не ходит – всё люди солидные, вежливые...

Потом представил своего начальника шефу:

– А это мой шеф, Мефодий Филиппович, дай Бог здоровья его авторучке, которой он подписывает нашу ведомость на зарплату.

И, продолжая свою незамысловатую шутку, продолжил:

– И пусть в ней чернил будет побольше – чтобы ряд нуликов после циферок был подлиннее!..

И, открывая ключом дверь, пожелал нам приятного аппетита, демонстрируя тем самым перед своим шефом осведомленность в нашем распорядке дня.

Мефодий Филиппович за все это время не произнес ни слова. Он только вежливо кивнул Василию Васильевичу при представлении и дальше с улыбкой слушал «хитроумные» пассажи Бориса о желательности повышения зарплаты.

В соответствии с процедурой, начиная с этого момента – выхода за территорию этажа – и до конца обеденного перерыва, Василий Васильевич переставал быть «шефом» и «начальником», а становился «просто одним из нас». Теперь с ним можно было общаться «запросто» (без фамильярности и амикошества, разумеется, фамильярности он вообще не терпит, но допускает ее сознательную имитацию, когда собеседник и он надевают эту маску, чтобы подчеркнуть дружественность и неформальность общения).

Теперь можно было и «говорить глупости», и болтать о политике, о делах семейных и вообще «чувствовать себя как дома». Но внутри он, конечно же, оставался все тем же «железным канцлером» и память его все также четко фиксировала все сказанное, как и на «рабочих беседах» в кабинете. Это позволяло порой решать важные вопросы, задавая их как бы «по забывчивости» среди прочей болтовни.

Но быстро перейти даже к «управляемой демократии» из патриархального благолепия бывает трудно, и первые минуты «свободы» всегда несколько напряженны. Сегодня это напряжение помог снять открывший дверь ключник.

Комментарии по поводу его незавидной доли (уже после того, разумеется, как дверь за нами закрылась) высказал и Илья Стефанович, и Бурый, и даже я. Они свелись к тому, что за две-то сотни «лысых Президентов» в месяц вот так мотаться целый день по коридору со связкой ключей, подобно Плюшкину, пусть и в удобном для здоровья режиме «сутки-трое» и с возможностью приработать на рыбалке, конечно же, весьма обидно для бывшего профессионала-топтуна советского КГБ. В том, что Борис относился именно к этой категории, ни у кого сомнений не было.

А в это время одинокий «лентяй», роль которого на этот раз выпала Иосифу Самуиловичу, бросил, наконец, телефонную трубку, и, как ошпаренный, вылетел из комнаты, чтобы

побыстрее присоединиться к – он знал это! – ожидавшему его «отряду бойцов» (так и не успев, вместе с предусмотрительным большинством, посетить перед обедом места «уединенного облегчения»).

И вот после того, как он оказался среди неторопливо переговаривающихся на лестнице и терпеливо ожидающих его «собратьев», вся мужская часть команды, окружавшая Василия Васильевича в коридоре, уже расслабляясь, жестикулируя, но все-таки плотно, «могучей кучкой», устремилась в кафе.

Там уже минут двадцать как сидели Татьяна Борисовна с Еленой Петровной. Сегодня, как это уже бывало иногда, при неожиданном появлении в зале нашей толпы, они не успели переставить на соседний столик пивные бокалы (или даже рюмки?...), но шеф, как обычно, «не заметил» этого даже после выразительного хмыканья Ильи Стефановича.

Церемония при этом плавно перешла в свою практическую фазу – насыщение страждущих. Заказав блюда, мы рассаживаемся за столом (лучше если за одним) и вот тут-то отрывочные реплики заявленных при спуске по лестнице тем для обсуждения, выливаются в «свободный треп», подначки, обсуждение политических слухов и сплетен.

Вот и сегодня, с удовлетворением оглядев сидящих за столом (все свои, «родные кровинушки!»), Василий Васильевич повернул голову в сторону Иосифа Самуиловича и сказал:

– А вот плохо ли, Йося, что ты сидишь и не думаешь, какой салатик заказать? Витаешь себе где-то в облаках, а о салате и не думаешь! Ты-то ведь не знаешь, как ещё когда мы в пятиэтажке сидели и ходили из нее в ЦИАПовскую столовую, я, встречаясь с тобой в очереди, думал: «Вот светлая голова, мировая знаменитость...»

Иосиф Самуилович попытался что-то возразить, но был остановлен взмахом шефовой руки с яркой сеткой капилляров на ладони – в кафе было довольно холодно.

– ...А стоит в очереди вслед за очаровательной пышечкой – но ведь пустышкой же! – Аллой Сергеевной и считает свои копейки в кармане, – продолжил прерванный попыткой возражения монолог Василий Васильевич, – и прикидывает: хватит ли на винегретик, или нет?». Я тогда ещё решил, что когда ты будешь работать у меня (недоуменно взлетают брови на лице Иосифа Самуиловича, но он уже не пытается открыть рот), таких проблем у тебя не будет. И ведь прав оказался, а?

– Да брось ты, Василий! – возбудился теперь не удерживаемый ничем Иосиф Самуилович (и это его энергичное «Василий!» прозвучало вполне естественно, поскольку Иосиф Самуилович был лет на 15 старше шефа), – Разве в салате дело?! Помнишь, как мы с тобой для Володи Высокого приглашение к нам на «устный журнал» выбивали? Какую мы тогда в парткоме интригу вели и чего только не наслушались, когда слух о наших «поползновениях» дошел до самого Филиппа Горошкова? И о салатах ли тогда мы думали?

Начав столь энергично, Иосиф Самуилович хотел прежде всего дать отпор шефу за его «мировую знаменитость» – сам он себе цену знал (и она была достаточно высока), но на «мировую знаменитость» все-таки «не тянул», и потому всегда обижался на попытки льстивого, как он считал, преувеличения «объема» своей персоны.

Но первая мысль, которую он успел озвучить, относилась ко временам, когда они с Василием Васильевичем совместно работали в ЦИАПе («Центральном институте агрохимической промышленности») и имели счастье общаться с Владимиром Высоким, поскольку театр, где он играл, был в пяти минутах хода от ЦИАПа, а парткомы театра и института подчинялись одному райкому. И коллективы, которые возглавляли эти парторганизации, директивно «дружили» друг с другом, а может даже и «соцсоревновались».

Поэтому театралы из ЦИАПа бывали и на премьерах, и в артистических уборных. Услышав тему диалога Василия Васильевича и Иосифа Самуиловича, я, конечно, позавидовал обоим, ибо видел Высокого только два раза в жизни – на концерте его в «Мендель-лавочке», когда поток оставшихся без билетов студентов просто снес старинные дубовые двери Большого

Актового Зала, где проходил концерт, и в роли Керенского в самом театре. В этом спектакле тогда, во времена «застоя», «официально» (!) звучали песни Высокого, с тех пор давно «разошедшиеся» на пословицы и сегодня беззастенчиво используемые рекламщиками – «Есть вода, холодная вода, но пейте водку, водку „Господарь“!».

Диалог наших патриархов, однако, ещё не закончился. Но попытка продолжить свою речь и проявить достойную скромность, открестившись от «мировой знаменитости», Иосифу Самуиловичу не удалась – снова вступил шеф:

– Ну, Йося, не скажи! Тогда ведь и для Володи выступление у нас было не просто «творческой встречей со зрителями», но и возможностью получить от нашего профкома солидный «конвертик без марки»!

– А в конвертике-то лежала, уж конечно, не «Почетная Грамота», – встрял в разговор Илья, – и – увы! – не пачка «вечно розовых и лысых», а унылые зеленые совковые «ленинские лбы», правда, в приличном количестве!

Иосиф Самуилович не обратил на эту реплику ровно никакого внимания, если не считать снисходительно-высокомерно взгляда на Илью. Его захватили воспоминания той, как ему казалось, романтической поры, и он начал новую тему, обратившись к Василию Васильевичу с вопросом:

– Ты ведь помнишь, как мы однажды попали на выпускной спектакль какого-то театрального училища и потешались в полупустом зале над бездарностью режиссера? Это, кажется, был «Тартюф» Мольера. Так вот, представь себе, я узнал недавно...

Но неожиданно его оборвал сам Василий Васильевич:

– Да ерунда все это, Йося! Не в режиссерах-недоучках и даже не в Володиных песнях дело тогда было. «Тогда мы были молодыми и чушь прекрасную несли». И любили нас молодые девчонки, и именно борьба за их любовь, а вовсе не «стремление к познанию истины», заставляла нас и глупить, и дерзить, и ругаться «в усмерть». И хватит об этом...

Разговор с Иосифом Самуиловичем, не сумевшим закрепить за собой инициативу, как-то оборвался. И для остальных сидящих за столом вопрос о том, что же и о чем – если не о салатике! – думали Василий Васильевич и Иосиф Самуилович в те героические времена их молодости, когда они вместе боролись с косностью и невежеством тогдашних парткомов и потешались над бездарностью советских режиссеров, так и остался не проясненным.

Но «природа не терпит пустоты», особенно в застольных беседах. И внимание Василия Васильевича, бывшего, безусловно, «несменяемым тамадой» этого стола, обратилось на Илью, столь удачно, как оказалось, «срезавшего» мечтательного идеалиста Мейтеса. И Василий Васильевич спросил:

– А, кстати, Илья, что там в Интернете про курс лолларда пишут?

– Да не смотрю я про это в Интернете! – наигранно раскипятился Илья, – я про бензол, про нефть...

– Ладно, кому другому заливай, – отрезал Василий Васильевич. И уже как-то полупросительно-полутребовательно добавил:

– Говори, не темни!

Илья Стефанович оглядел всех внимательно, давая понять, что спорить он дальше не будет – мы на обеде, а не на совещании в кабинете – и правила обеденной церемонии вполне допускают признание в таких мелких грешках – лазить по Интернету для удовлетворения личного любопытства. Да и кто из здесь сидящих имеет право бросить в него камень за это? Все тем грешны! Выдержав паузу, и овладев таким образом всеобщим вниманием, он как-то укрупнился, губы его утоньшились, взгляд стал жестким, «монокль» вокруг левого глаза расширился, и он начал:

– Ты знаешь, Вася...

Он как будто загнулся, давая время оценить серьезность своих намерений. И здесь эта подчеркнутая фамильярность имела совсем другой, чем у Иосифа Самуиловича, подтекст. Здесь он демонстрировал родственную близость, публично проявлял привычку разговаривать с шефом «накоротке». Это, конечно, свидетельствовало о его понимании особенностей «обеденной церемонии», но и, одновременно, напоминало всем остальным, что он, Илья, не такой как мы все, что он «и с Пушкиновым на дружеской ноге!».

И Илья продолжил:

– Я очень внимательно прочитал один перевод из Нью-Йоркского экономического еженедельника (слова «очень внимательно» употребляются Ильей в тех случаях, когда он хочет подчеркнуть серьезность своего отношения к предмету), и там ясно и толково объясняется, что лоллард – дутый, что война в Иранке негативно сказалась на экономике, и что вообще пора понять – эпоха лолларда на закате...

Он замолчал, давая всем осознать, что вовсе не девки его интересуют в Интернете, а серьезный аналитический материал. Поняв, что действительно «зацепил» всеобщее внимание, Илья нарочито придиричливо занялся своими сосисками.

Ничего другого он из мяса на обед не брал – в гигиеническом состоянии здешней кухни и кулинарных способностях девочек, там работающих, у Ильи были серьёзные – и, признаюсь, обоснованные! – сомнения. Но я, например, традиционно надеюсь на «авось», Василий Васильевич в выборе меню соотносится только с рекомендациями своего врача, а Иосиф Самуилович порой и не замечал, что было перед ним в тарелке, если в голове бродила какая-то интересная мысль. И только Илья никогда о гигиене не забывал и не пренебрегал ее рекомендациями – за своим здоровьем он следил, хотя постоянно на него и жаловался.

Все так же молча продолжали жевательный процесс. Как реагировать на известие Ильи никто не знал. Только Иосиф Самуилович наклонился ко мне и тихонько, чтобы никто не слышал, сказал:

– У классика нашей литературы, Михаила Евграфовича Салтыкова-Доброго, есть такая вещица – «Наши глуповские дела». Так там сказано: «И старый глуповец, и молодой равно не имеют намерения выразить что-либо особенное; и тот и другой горят лишь нетерпением набить чем бы то ни было те полчаса, которые, по заведенному обычаю, принято посвящать диалогам...». Не в бровь, а в глаз, не правда ли?

И он продолжил лениво ковырять вилкой в тарелочке с пловом, изредка запивая кусочек проглоченного жира томатным соком...

То, что Иосиф Самуилович чуть ли не наизусть знает все многотомное собрание сочинений М.Е. Салтыкова-Доброго, было общеизвестно. Так что цитату можно было не проверять.

Молчание прервал сам Василий Васильевич, обращаясь к макушке своего двоюродного брата, склонившейся над сосиской, раскрывшейся как лернейская гидра (только о восьми, а не о девяти головах).

Гидру из сосиски сделала специально для Ильи буфетчица Эммочка, крестообразно надрезав с обоих концов длинную и тонкую сосиску перед жаркой. Илья обращался к ней по-барски: «милочка» (что она принимала за изысканность ильевских манер) и иногда даже снисходил до какого-то подобия болтовни – но ничего более!

– Ну, и что нам теперь делать, Илья? – спросил Василий Васильевич, отставляя пластмассовую тарелку и извлекая из пачки очередную белую сигарету-соломинку.

– А я откуда знаю? – нарочито грубо ответил Илья, отрезая вихляющим пластмассовым ножом предпоследнюю шею мифического чудовища. – Ты у нас начальник, тебе и решать. Но я бы на твоём месте, – блеснув очками, озорно сказал Илья, – часть зарплаты в сингапурских «азиатах» стал бы выдавать. Не на жизнь, а для «чулка». Вот завоюют нас синие узкоглазые, когда война за независимость Южных Дурил случится, тогда умные-то люди и достанут эти самые чулки с «азиатами»...

– Нет, погоди, Илья, – заинтересованно перебил его Василий Васильевич, глубоко затягиваясь, так что зеленый огонек кончика его тонюсенькой сигаретки пробежал от одной этой затяжки чуть ли не треть ее длины, – а ты представляешь, сколько мы на одной конвертации потеряем?..

– А ты не бойся, «мальчики» твои помогут, если ты их попросишь...

«Мальчиками» у нас звались создатели и владельцы одного из самых элитарных консалтинговых агентств, которые начинали свое дело лет 10 назад с ремонта электрочайников.

Познакомившийся с ними в ту пору Василий Васильевич использовал их фирмочку для некоторых своих деловых нужд, а потому был с ними накоротке и даже учил уму-разуму в бизнесе, да и в жизни. Теперь-то они и сами министров учат, но воспоминания остались у них от той поры теплые, и Василий Васильевич, бизнес которого с достигнутых ими высот они и в «мелкоскоп» бы не разглядели, по-прежнему имел у них титул «шефа», как они и обращались к нему «вне официоза».

Напоминание о «мальчиках» явно не понравилось Василию Васильевичу:

– До «мальчиков» теперь далеко... Да и опасно к ним даже ездить стало – глаз там лишних много, – задумчиво сказал он, размешивая в чашке с пакетиком чая «Липстмин» какую-то таблетку, заменявшую ему по совету врача сахар, и как-то тяжело взглянул на Илью.

Илья сразу сообразил, что даже по либеральным правилам «обеденной церемонии» он «хватил лишку», тут же расправил губы и завел совсем другую свою пластинку:

– А я что!.. Я – человек маленький, у меня мозгов – курам на смех. Не подумайте, что я на что-то намекаю политическое, над святым грешно смеяться, а нашего будущего вождя я и путным, и беспутным признавать буду, если он легитимным окажется... А тут, за обедом, я и глупость могу сказать, на то ты и начальник, что б меня поправлять.

На том и разговор и обед закончились.

– Ну, пошли! – уже переходя в режим «настоящего начальника» сказал Василий Васильевич, – хватит дурака валять! Работать нужно...

И, смягчая переход, добавил:

– Там Елена Никоновна кое-что мне притащила, разобраться нужно, да и раздать всем сестрам по серьгам.

Сказал он это нарочито громко, чтобы слышали и Татьяна Борисовна с Еленой Петровной, но они пропустили это его сообщение мимо ушей и остались сидеть за соседним столиком, обсуждая, какое пирожное взять к чаю? Выбор сегодня был невелик – эклеры со сливочным кремом и корзиночки с безе.

– С кремом полнит и витаминов там мало, – заявила Татьяна Борисовна.

– А песочное тесто невкусное, – парировала Елена Петровна.

Тут уже хмыкнул шеф, но повторять сказанное не стал, и прерывать их стремление достигнуть консенсуса по столь спорному кулинарному вопросу тоже не решился.

Мы подошли к стойке, и, услышав от Эммочки, которая сегодня обслуживала клиентов, сколько каждый должен за обед (с Василия Васильевича, например, причиталось шестьдесят девять рублей 87 копеек), выстроились в очередь, порядок в которой также был строго прописан в неписанном регламенте «обеденной церемонии»: Василий Васильевич и я (наша пара выполняла заключительное «па» церемонии: «дружба дружбой – а кошельки врозь»), далее – по старшинству – Иосиф Самуилович и Илья, а Бурый, как самый молодой, замыкал нашу группу.

Наступает последний элемент церемонии. Василий Васильевич высыпает на стойку груды мелочи и начинает рассчитываться именно с копеек, отбирая из кучи нужные для набора 87 копеек монеты.

Я замечаю, что в этой груды мелочи затерялась странная монета, и с этого момента пристально слежу за тем, как Василий Васильевич разбирает кучу. Делает он это сосредоточенно,

что-то проговаривая себе под нос, в ходе отбора меняет свои решения и загоняет, например, уже лежащий справа от общей кучки полтинник обратно, заменяя его гривенниками, напряженно разыскивает в куче две копейки, которые по своей малости теряются в груде рублевиков.

В это время замеченная мною монета привлекает и его внимание. Но я, по виду аверса, уже понял, что это «битый-перебитый» гривенник тридцатых годов прошлого века, а ему кажется, что это грязная копейка, «подсунутая» ему где-то на сдачу, и он решительно толкает ее пальцем в кучу «платежной» мелочи.

Сердце мое обливается кровью – гривенник-то билонный, в нем одного только серебра не меньше, чем на червонец, а его нумизматическая ценность может оказаться и вовсе исключительной, но сказать об этом никак нельзя – будет нарушен порядок этого элемента обеденной церемонии.

Вслед за уплывающим от меня раритетом он извлекает из кучи пятак, но, обнаружив там же более старый и замызганный, гонит назад блестящий и новый...

Очередь спокойно ждет. Только Илья, понимая, что его черед платить настанет ещё не скоро, о чем-то шепчется и пересмеивается с Еленой Петровной, присев на краешек скамейки, где сидит Татьяна Борисовна, у которой рядом с чашкой чая уже открыто стоит рюмочка с какой-то чудной изумрудно-фиолетовой маслянистой жидкостью (дамский десерт не может выглядеть уныло!).

– Василь Василич, отдайте это мне, – говорю я через пару минут предписанную церемонией фразу, поскольку, как всем это известно, я увлекаюсь нумизматикой и ищу среди куч мелочи редкие разновидности монет, – а я за Вас расплачусь с Эммочкой бумажками. Сегодня я это говорю особенно грустно и безнадежно, ибо понимаю, что через минуту «наркомовский раритет» может исчезнуть для меня навсегда.

– Нет, Игорь Петрович, – столь же традиционно отвечает Василий Васильевич, продолжая сложные манипуляции по извлечению пятаков и копеек, – денежка счет любит, а горшки за собой каждый должен выносить сам!

Он решительно подвинул по гладкой поверхности стойки груды монет (в основном грязноватых и тусклых) в сторону Эммочки, отсчитал семь червонцев, получил на сдачу новенький рубль, присоединил к оставшейся куче блестящей мелочи, сгреб ее в кошелек, и, не оглядываясь, решительно вышел из зала.

Я тут же накрыл вспотевшей от волнения ладонью груды металлических кружков, которую Эмма не успела сбросить в тарелку с монетами, стоявшую под рукописным плакатиком «Кошке на молочко», и строго сказал:

– Реквизировано инспекцией Наркомздрава – на монетах много грязи и вредных бактерий! Получите компенсацию – один рубль в денежных знаках, имеющих хождение по территории Российской Федерации! И мою, конечно, плату – сто десять рублей, можете даже и не считать...

Эммочка улыбнулась, и ничего не ответив, обратилась к Иосифу Самуиловичу:

– А с вас сколько?

...Выйдя из лифта, в коридоре, Василий Васильевич уже по деловому бросает нам:

– Прошу полчаса меня не беспокоить! – и скрывается за дверь собственного кабинета, имеющего отдельный выход в коридор. Мы переглядываемся, и каждый понимает, что настал момент священнодействия с конвертами. И что через полчаса нас начнут вызывать «для воздаяния». Дождались-таки!..

Глава 12

О процедуре воздаяния, эмоциях и ритуалах, ее сопровождающих, о тайных доктринах «справедливого вознаграждения», шутках шефа, предусмотрительности Ильи Стефановича, розыгрышах и оплошностях Елены Петровны, смущении Иосифа Самуиловича, а также о моем удовлетворении от результатов процедуры.

*Доходы умножай, гони от сердца лень
И белу денежку бреги на черный день.*

В комнате ощущается невидимое напряжение, какое-то необъяснимое единение всех присутствующих, и даже Елена Никоновна, которая, казалось бы, лучше других знала, что сейчас будет происходить, вместе со всеми, забыв на время свои «дебеты» и «кредиты», «проводки» и «балансы», мысленно перебирала свои поступки за последний месяц.

Каждый как будто настраивался на «самоисповедь» и даже более откровенно, чем если бы он стоял перед алтарем, перебирал день за днем и свои успехи, и прегрешения. Последних, разумеется, было больше, что огорчало, но зато первые были гораздо более яркими и значимыми. И, как правило, более видимыми.

Счет тут был «истинно Гамбургским» – в исповедальне перед кающимся грешником стоит все-таки «внешний судья», тоже не ангел, хоть и «полномочный представитель неподкупного суда», и ему можно, рассказав правду, одну только правду и ничего, кроме правды, сообщить все же не всю правду. А вот перед собственной совестью это не проходит.

Но в нашем случае эта «исповедь в чистилище» – перед собой на рабочем месте – ещё не была финалом. Самое «практически важное» происходило за дверью, в кабинете. А там, как и в исповедальне, перед тобой стоял «судья во плоти и крови». Да еще и без «высочайших полномочий» (правда, с абсолютной свободой воли, что для «судии» было, конечно, гораздо важнее).

Да и не был кабинет исповедальней, никто не требовал там от тебя самобичевания. Скорее, наоборот – нужно было «показать товар лицом». Иными словами, там была игра, в которой нужно быть ловким, смелым, дерзким, изворотливым, хитрым, и даже коварным, чтобы получить лучший приз. И потому после фазы «самоисповеди» быстро наступала следующая – анализ своих шансов на выигрыш и выбор стратегии поведения в кабинете. И здесь важно было точно оценить не только себя, но и «партнера по игре». Что ему о тебе известно? Что будет учтено? Где ты «упустил», а где «прирастил» содержимое конверта, который будет тебе вручен в самое ближайшее время?

Это никогда внятно не объяснялось и не обсуждалось ни в кабинете, ни, тем более, в разговорах «между собой». Ведь в денежных вопросах закон Горбоносова был применим не в меньшей степени, чем в физике – «Все изменения, в Nature случающиеся, такого суть состояния, что ежели где чего убудет, то столько же в другом месте присовокупится».

В переводе на нормальный человеческий язык это означало, что если из принесенного Бурим кейса в твой карман попадет сколько-то розовых бумажек, то ровно столько же бумажек не досчитаются в своих карманах остальные сослуживцы. И каждый хотел, чтобы в его карман попало как можно больше, и вовсе не желал входить в положение владельцев иных карманов.

Было это, правда, чревато тем, что обиженный сослуживец мог просто уволиться (до стадии крепостного права социальная организация «Ипотеха» не доходила никогда), и тогда

в следующий раз Бурый принес бы кейс, содержимое которого отличается от возможного при нынешнем раскладе. И отличается именно на величину трудового вклада ушедшего. Но всегда кажется, что этот вклад не столь велик, что в своей каждодневной работе «отряд не заметит потери бойца», а от делимого в кабинете пирога после уменьшения числа «едоков» тебе достанется большой кусок.

Вот почему такие проблемы до поры до времени редко обсуждались «между собой». А допустить такую бестактность по отношению к шефу – спросить его прямо о принципах «разделки пирога» – просто не могло прийти в голову. Охотников до харакири среди нас не было. К тому же каждому, кто проработал в «Ипотехе» хотя бы неделю, было и так ясно, что получает он здесь ежемесячно не зарплату, а воздаяние. За труды и грехи. По воле «Самого Справедливого Отечественного Начальника». И о чем было его спрашивать?

Но со временем пришла-таки пора, когда и закон Горбоносова, и воля Отечественного Начальника перестали всем казаться незыблемыми основаниями функционирования нашей финансовой кухни. Окормляемые дети выросли из коротких штанишек, и поумнели, хотя и не сильно, и в разной степени... И тинейджерское понимание справедливости у некоторых из них уже не могло замыкаться только в собственной душе.

Возникло новое «социальное явление» – секретные «междусобойчики». Наши «либералы» (сознательные и стихийные поклонники либеральных ценностей западной модели рыночных отношений) считали, что уже было пора и весьма уместно установить четкую и стабильную зарплату. Конечно, с системой определенных коэффициентов, как поощряющих усердие и успех (заключение выгодного или нужного договора, построение перспективной схемы, улаживание конфликта, грозящего убытками, успешный маркетинг), так и карающих за нерадение – срыв переговоров, допущение ошибки, грозящей убытками, да просто за лень, в конце концов!

Звучали и радикальные идеи, среди которых самым «крамольным» было предложение определить долю каждого в общем доходе. Но такое озвучивалось редко, только в каких-то критических, «революционных ситуациях».

Ведь «доля» разрушает патриархальное устройство быстрее, чем сернистая нефть катализатор. Доля – это осознанная свобода. А кто может дать свободу? Её не получают, её либо берут, либо рождаются свободными. А «дарованная сверху» она только тогда обретает истинное свое значение, когда «одариваемый» её действительно берет.

Так было и в самом «громком» в истории нашей страны случае – «дарованная» при отмене крепостного права свобода стала «настоящей» только много десятилетий спустя, когда её действительно взяли те лапотные мужики, которые формально давно уже были свободными. Другой разговор, как они это сделали и почему не смогли её удержать...

Эта историческая подоплека объясняет то, что к «свободнорожденным» мы явно не относились, а особого желания «взять свободу» тоже не проявлялось. У одних потому, что, будучи всю сознательную жизнь «под кем-то», «осознанной необходимости свободы» они просто не ощущали, у других – потому, что они знали историю и ещё хорошо помнили, к чему привела эта вольность «лапотных мужиков» в реальной действительности.

Были и причины ментально-психологические. Возможность думать, что некий «внешний злодей» мешает тебе самому определять свою жизнь настолько сладостна, настолько облегчает душевную ношу ответственности, что добровольно отказаться от этого блага рабства может только извращенец или сумасшедший.

И события «большой Истории» последнего времени также свидетельствуют об этом. Ведь в 91 году свобода, буквально упавшая на нас, оказалась не удобной шляпой, комфортно укрывающей голову и предохраняющую от «идеологической просветки тоталитарного режима», а тяжелой каской (или шлемом), нужной на фронте борьбы «всех со всеми» за лакомый кусок оказавшегося «бесхозным» государственного пирога.

Тот, кто это понял, сумел использовать каску по назначению – предохранить свою башку от ударов и конкурентов, и ослабшего, но все ещё опасного государства. А у большинства эта «халявная панاما» оставила на голове след в виде солидного синяка, а, в отдельных случаях, и легкого сотрясения мозга. Полнота оказавшейся тогда у нас свободы значительно превышала возможности наших рук для ее удержания и явно не соответствовала тем мизерным усилиям, которые мы приложили для овладения ею.

Даже самые закоренелые атеисты не могут не признать – это КЕМ-то дарованная свобода. И дар этот, в первый момент показавшийся божественным, очень быстро стал казаться уже «данайским», этаким «Троянским конем» XX века. В качестве «современных данайцев» особенно ушибленные стали подозревать то происки «западников», то «евруев», а то и вовсе инопланетян, но в любом случае тех, кто добра Рассее не желает.

Так что о «доле» поминали редко, а вот о «конкретных контрактах» мечтали многие. Но мечты эти оставались тайными (а потому и сладостными!) и не шли дальше «междусобойчиков», порождаемых какими-то явными (с точки зрения обсуждавших столь крамольные вопросы собеседников) нарушениями их «прав». Причем «междусобойчиков» всегда только «с глазу на глаз» – мне никогда не доводилось обсуждать что-либо подобное втроем. А представить себе посвященное этому совещание в кабинете у шефа было просто невозможно.

Вот и сейчас каждый был «наедине с собой», каждый – «сам за себя», и единственное преимущество Елены Никоновны было в том, что она хотя бы приблизительно представляла себе пышность того пирога, который кромсал сейчас на предназначенные нам ломти Василий Васильевич за плотно закрытой дверью своего кабинета.

Разумеется, даже она не знала толщины этого пирога точно. Даже она не представляла всех дырочек, сквозь которые утекали денежные потоки из сосуда, наполненного в результате ее визита в «дружественный банк», не ведала обо всех «нужных людях», не знала – да и не должна была знать! – всех, кто работал на интересы «Ипотеха». Знающий такие детали вполне «законно» мог претендовать на долю, т. е. на звание совладельца, а не простого, пусть и самого высокооплачиваемого, сотрудника.

Ведь многие из тех, чьи инициалы или прозвища были нацарапаны на лежавшем сейчас перед шефом листком, порой сами даже не подозревали о существовании фирмы «Ипотех»! Но, живя своей жизнью, они время от времени делали нечто, что было необходимо шефу. Нечто такое, что помогало ему ежедневно, ежесекундно удерживать в своих руках штурвал того «реально-виртуального» корабля, который мы, бесшабашная его команда, называли порой «Ну, потеха!». А двигать его в выбранном направлении силой своей воли было отнюдь не потехой, а тяжким трудом.

Правда, эта воля, по убеждению Василия Васильевича, вовсе не была «свободной». Ею распоряжался ТОТ, о Смысле и Помыслах которого даже и думать-то всуе было несообразно...

Наконец, раздался характерный щелчок и микрофоны селекторной связи, стоявшие на каждом столе, ожили. Послышался характерный треск, который мгновенно зафиксировало обостренное сознание всех, находившихся в комнате, и голос шефа произнес:

– Илья, заходи!

Илья Стефанович предусмотрительно закрыл окно сайта «Досуг» на своем компьютере (что бы не смущать Лидию Федотовну, могущую случайно пройти мимо этого притягательного для взора экрана в его отсутствие) и надел пиджак.

Пиджак висел на спинке кресла и «как бы по счастливому стечению обстоятельств» прогрелся уже третий час тепловым вентилятором «Ветерок» Подольного вентиляторного завода. (Помните – «Нам пора и Вам пора с вентиляторным заводом заключать договора. Если теплый воздух дуть – в Ваш карман не заглянуть!»?).

Действовал Илья, разумеется, грамотно, «как учили» – для подобных визитов в кабинет была предписана особая форма одежды – мальчики в пиджаках, а девочки – в жакетках. А то ведь куда конверт девать?

Спокойно, достойно, ни на кого не глядя, Илья Стефанович прошел в кабинет шефа. Внешне в комнате ничего не изменилось, но опытный взгляд мог бы заметить, что только Иосиф Самуилович действительно был увлечен чтением какой-то книги по теории гетерогенного катализа, занятия же остальных относились к понятию «работа» не больше, чем занятия Марии Ладыниной и Владимира Зельдина к свиноводству и овцеводству. Все, как и в фильме, играли свои роли и явно при этом переигрывали.

Я закончил набирать проект текста нашего договора с Амгарском, взял с тумбочки «черновики» лист бумаги и сунул его в принтер. У нас несколько принтеров, но для черновиков используется старый, игольчатый. Я нажал клавишу «ввод», принтер затрещал, но быстро захлебнулся.

«Опять заело», – с досадой подумал я и стал извлекать застрявший листок. Вырвав его из-под валика принтера, я машинально его перевернул, пробежал глазами текст, написанный от руки, и...

– Кто положил сюда эту бумажку? – спросил я громко, обращаясь ко всем. В стоявшей в комнате тишине вопрос прозвучал грозно, все подняли на меня головы и, не вставая с места, стали всматриваться в злополучный листок.

Через полминуты напряженного разглядывания заговорила Лидия Федотовна:

– Да это черновики, которые остались от вчерашнего разговора с этим фланелевым щёголем. Когда он вышел от шефа, я спросила его телефон, а он стал рисовать, как к ним проехать на машине. Мне это и не надо было вовсе! А он все чиркает чего-то... Минут пять бумагу марал! Два листа испачкал! Вон, я отсюда вижу – схема там проезда... А что случилось, Игорь Петрович? Чего это вы голос повышаете?

– Да нет, ничего, просто не нужно сюда рваные листы класть – в принтере они застревают, – ответил я.

– Вечно вам не угодить – то «Где бумага для черновиков?», то – «Зачем кладете?». И голос повышать не нужно! – уколола меня Лидия Федотовна и снова углубилась в свою тетрадь. И все остальные опустили глаза.

А на листке, под какой-то дорожной схемой, написанный тем же почерком, шел какой-то корявый, прихотливо разбросанный по листку, с завитками и перечеркиваниями, образующими непонятную фигуру, но вполне «читабельный» текст, начинавшийся словами: «Проект договора на поставку 350 тонн ММА от фирмы „Химтранзит“ на Амгарский нефтеперерабатывающий завод...».

«Химтранзит» – это мы. Писал – «фланелевый пиджак»! Вчера!! Морок?... Что-то с глазами – слипаются. И под ложечкой сосет...

Я сел на место и на минуту отключился от реальности. Открыв глаза, снова посмотрел на листок – под транспортной схемой был нарисован мой портрет. Я узнал манеру Елены Петровны – она иногда баловала нас шаржами. Её шутка и мой морок! Можно забыть...

Через пять минут дверь в кабинет шефа распахнулась, и вышел Илья с каменным лицом. А из динамика уже летело:

– Татьяна!

Татьяна Борисовна передернула плечами, окутанными каким-то немислимо огромным и пушистым платком цвета испуганной мыши, как будто зябко поеживаясь, и, поправив какую-то только одной ей видимую складку на юбке, одернула жакетку и уже уверенно зацокала каблучками по направлению к кабинету. Очень это было похоже на студийную учебную импровизацию в театральном Училище имени А.В.Луначарского времен учебы в нем Гусиевича на тему: «В приемной у зубного врача». Хотя за легким Татьяниним испугом и недоумением

после того, как она услышала свое имя вторым, после Ильи, которое динамик назвал голосом шефа, стояла одна наша ипотеховская примета.

Считалось (совершенно, впрочем, безосновательно!), что толщина получаемого конверта обратно пропорциональна порядковому номеру вызываемого. И услышать свое имя сразу вслед за Ильей – большая удача!

Через те же пять минут, однако, от «синдрома зубной боли» у Татьяны не осталось и следа – она буквально выпорхнула из кабинета и по ее виду было легко догадаться, что «доктор добрый, больно не сделает» и что итогом своего визита она совершенно довольна.

Дверь захлопнулась, а сквозь хрипы и трески динамика послышалось:

– Трудолюбивая!

Шеф явно был в хорошем настроении и играл с нами в свою любимую игру – придумывал и тут же награждал всякого, кто «здесь и сейчас» подворачивался ему под руку, каким-то прозвищем, соответствовавшим, по его мнению, этой своей мгновенной оценке. Оценка могла быть прямой, например он мог спросить по селектору:

– А где Ученый?

И ни у кого не вызывало сомнений то, что ему требуется Иосиф Самуилович.

Или насмешливо-ироничной, но очень конкретной:

– А что, Обидчивый опять курит свою трубку?

И, понятно, откликнуться должен был я.

Но иногда, как это было и сейчас, он загадывал нам загадку. Кого он имел в виду – Лидию Федотовну, трудолюбие которой вошло у нас в поговорку, или Елену Петровну, по отношению которой это звучало бы лёгкой иронией, или даже Елену Никоновну, справедливо соперничающую с Лидией Федотовной и не менее ее достойную лавров такой оценки за свое отношение к работе?

Почти физически чувствовалось, как он улыбался, сидя за своим огромным письменным столом в кабинете, держа палец на той строчке своей бумажки, где были зафиксированы истинные инициалы сегодняшней «трудолюбивой». И улыбка его была вызвана тем, что мысленно он представлял себе те взгляды, которыми обменивались «попавшие под подозрение» дамы, не зная, как отреагировать на столь двусмысленный комплимент и, в тоже время, боясь упустить момент страстно желанной встречи с ним. Достаточно насладившись этой картиной, он повторил в микрофон:

– Я же позвал – «Трудолюбивая»! Чем там так занята Елена Петровна, что не слышит моего вызова?

Елена Петровна, бросив торжествующий взгляд в сторону Лидии Федотовны (иронию шефу она прощала легко, а вот за то, что опередила в данном случае Лидию Федотовну, была ему по-женски благодарна), смущенно улыбнулась и, уже вставая, сказала в коробочку:

– Ну, Вы, Василь Василич, задачки задаете! Не легче, чем моей бестолочи по арифметике!

В этот момент руки ее судорожно хлопали по поверхности стола в поисках какой-нибудь непрозрачной папки. Она, как всегда, забыла о предписанной на сегодня форме одежды, и на ней была изящная риновая атласная кофточка, расписанная крупными зелеными и неоловыми цветами с резными фиолетовыми листьями, украшенная какими-то то ли рюшечками, то ли фестончиками с массой пуговиц, но... без единого кармана!

Когда какая-то ядовито-лимонная папка все-таки нашлась, Елена Петровна быстро пошла к двери кабинета, но не упустила при этом возможности остановиться на секунду перед зеркалом, подвести губы любимой помадой Signal red, и поправить «не так» лежавший локон, сбившийся при ее лихорадочных поисках «укрытия для конверта».

Не было ее довольно долго. Ясно, что причина задержки – не в сложности пересчитывания розовых бумажек. Не могло их быть столько, чтобы пересчет занял столько времени! Тем более, после ее математической тренировки на экзерсисах сына-бестолочи.

Скорее всего, когда шеф сделал ей выговор за нарушение формы одежды (а в том, что он это сделал, я не сомневаюсь ни секунды), она что-то, от волнения не вполне политкорректное, ответила ему, чем спровоцировала его отеческий монолог на темы нравственности, перешедший в разговор «за жизнь». А Елена Петровна умела и любила поговорить с шефом на подобные темы.

Я уже начал волноваться – мне ведь ещё за билетом в Амгарск бежать, а перед этим деньги командировочные у Елены Никоновны получать (а это отдельная и, порой, не быстрая техническая процедура!), но тут, наконец, дверь кабинета щёлкнула, и Елена Петровна, прижимая к груди апельсиновую папку, со слегка мечтательным выражением на лице, вышла из кабинета. Было понятно, что и она, как и Татьяна Борисовна, в данный момент думает о чем-то весьма приятном, но страшно далеко от химического маркетинга.

А из динамика раздалось:

– Игорь Петрович!

Я вошел в кабинет и направился к шефу, который стоял у своего рабочего стола.

– Игорь Петрович, дверь! – с легкой укоризной сказал Василий Васильевич.

Я понял свою оплошность и мне стало стыдно за свою почти неприличную торопливость. Я остановился, вернулся к двери и мягко закрыл ее «до щелчка». Передача конверта во всех случаях требует полной конфиденциальности и психологической атмосферы приватности. И закрытая на замок дверь – неременное и элементарное условие таких операций.

Бумажка с инициалами и цифрами лежала перед Василием Васильевичем на столе перевернутой, так, чтобы не было видно вошедшему сотруднику того, что там написано. Думаю, что это был осознанный шефом элемент безопасности ритуала – знал он зоркость взгляда «своих орлов» и не хотел давать им повода для «досужих размышлений».

Он открыл верхний ящик стола (только теперь, когда дверь была плотно закрыта!), и, не глядя, сунул в него руку («куски пирога» лежали там уже «нарезанными» и в том порядке, в котором он нас вызывал), достал конверт и положил его на полированную поверхность.

Это ещё одно правило – если есть возможность – не передавать конверта из рук в руки. Сначала один кладет, а потом другой – берет. Обычно это делается молча, но тут был особый случай, а потому я услышал традиционное и почти сакральное:

– Игорь Петрович! Пересчитайте!..

Я взял конверт в руки (ну, теперь «доходы умножай!» – мелькнуло в голове) и мгновенно оценил приятно удивившую меня его толщину. Мое удивление, конечно, не укрылось от внимания шефа, который пристально следил за мной и как раз и ожидал от меня такой реакции. Он не стал ждать моего вопроса, а доверительно сказал:

– Заплатили-таки старый должок из Старого Новгорода. Они нам ещё за сажу были должны, а теперь снова захотели вагончик, вот и расплатились, – разъяснил он, отвечая на мое невысказанное недоумение о причинах пухлости конверта.

– Но ведь у нас сажи больше нет, мы уже полгода ею не занимаемся, – удивился я.

– Так это мы не занимаемся, в Старом Новгороде же ничего об этом не знают. А Лидия Федотовна, когда они ей позвонили, догадалась не огорчать их отказом. Она обещала им подумать, и сказала, что на результаты этих ее раздумий наверняка окажет влияние погашение со стороны староногородцев старого должка, – с улыбкой продолжил Василий Васильевич свое пояснение, в котором одновременно ощущались и его удовольствие от того, что я приятно удивлен его сегодняшней щедростью, и ненавязчивое поучение на живом примере как нужно правильно работать с клиентами, да и гордость за грамотно проводимую им самим кадровую политику – вон какие толковые сотрудники у него работают! (Очень он гордился тем, что нико-

гда никого не увольнял – однажды пришедший и принятый им человек становился членом семьи. А можно ли разрушить семью без позора для ее патриарха?!)

– А обещать – не значит жениться, как любит говорить Илья каждой своей пассии при расставании. Не правда ли, Игорь Петрович? – закончил свои объяснения шеф, и, посерьезнев, напомнил мне:

– Так пересчитайте же, Игорь Петрович!

Я вытащил пачку из конверта и начал пересчитывать купюры. Все они были новенькими, из одной банковской упаковки, и даже номера на них уменьшались на единицу при переходе от одной купюры к другой. (Надо будет при случае обратить его внимание на этот прокол – платеж где-то в «приличном магазине» или в банковской кассе, а, тем более, расчет с каким-либо малознакомым тебе «физическим лицом» такими деньгами мог вызвать у получателя денег недоумение, совершенно ненужное и даже чреватое непредсказуемыми последствиями... Но, разумеется, сейчас не время обращать его внимание на такие «мелочи» – он мог неправильно понять мотивы моего замечания и приписать их «привередливости». Это мне сейчас надо?)

Тем временем пересчет шел своим ходом и шеф принимал в нем самое непосредственное участие – его губы беззвучно повторяли за мной количественные числительные:

– семь, восемь девять, десять, – внятно произносил я.

– семь, восемь, девять, десять, – почти беззвучным эхом повторяли его губы.

Я остановился и изумленно взглянул на него, как бы показывая, что, по моим представлениям, счету пора бы и заканчиваться, а, тем не менее, у меня в руках еще оставалась приличная пачка бумажек!

– Считайте, считайте, Игорь Петрович! – нетерпеливо поторопил меня шеф, показывая тем самым, что он вовсе не ошибся, положив столько розовых бумажек в конверт, – у меня ещё и другие сотрудники зарплату ждут, да и вам пора за билетом бежать!

И, ободренный этим комментарием, я торопливо продолжил счет:

– ...

– ...дцать!!! – восторженно закончил я.

– ...дцать... – механически повторили его губы.

– Всё правильно, Игорь Петрович. Вы не ошиблись, а я вас не обманул, – подвел итоги этой расчетной операции шеф. Он помолчал, глядя мне в глаза, и, видимо удовлетворенный увиденным, задал последний ритуальный вопрос:

– Ну, вы довольны?

– Спасибо, Василь Василич! – с искренней благодарностью ответил я.

– То-то же! Говорил я Вам сегодня утром, что будете благодарить меня после обеда! У меня ведь как? Целый месяц зудёж и пилёжка, вредность и глупость от меня всякая, а как день зарплаты настает – все благодарят. Ну, что говорить! Здесь – не обманывают. А вот съездите хорошо в Амгарск – то ли ещё будет! Ладно, идите...

И, уже в спину мне, добавил:

– И позовите Иосифа Самуиловича, я обещал его пораньше отпустить, что-то подустал он, да вот закрутился, забыл... А нужно старика жалеть!

Конверт уже лежал в моем кармане, и я в очередной раз убедился в справедливости «расхожих выражений». Сейчас на примере банальности «Своя ноша не тянет».

Я вошел в комнату и сказал в сторону стола, стоявшего к двери ближе всех:

– Иосиф Самуилович, к шефу!

Дверь в кабинет я за собой оставил открытой – Иосиф Самуилович, бывало, порой не справлялся с технологией ее открытия и застревал на пороге кабинета, вызывая раздражение шефа своей «технической безграмотностью».

Иосиф Самуилович вздрогнул, отложил книжку о катализе, виновато посмотрел по сторонам, как будто испугавшись, что окружающие застали его за каким-то неприличным заня-

тием, потом встал, неуклюже натянул пиджак, к его счастью нагретый его собственной спиной на уровне внутреннего кармана за время изучения «крамольной» книги (не любил он носить пиджак, но помнил о форме одежды и почти никогда не нарушал ее), и прошёл в кабинет, не задумываясь о механике замка его двери...

Глава 13

О получении командировочных, приобретении авиабилета в Амгарск, начале истории винтика от очков, а также о традиционном напутствии шефа отбывающему в командировку.

*Рысцой поплелся смиренный мой пегас;
Друзья, пою простые приключения...*

Дальше все закрутилось колесом. Прежде всего, я получил командировочные. А это у нас совсем не простая операция! Конечно, когда речь идет о простой поездке (да хоть и полете!) для каких-нибудь «обсуждений» или даже «согласований» в пределах пары часов дороги, деньги Елена Никоновна выдает просто из коробочки, лежащей в ящике ее рабочего стола: быстро и удобно.

Но вот когда командировка предполагает ещё и вручение конвертов... Да еще при тех цифрах, которые я сегодня согласовал с шефом!..

Где «физически» расположена «черная касса», знают только те, кто «по долгу службы» с нею связан. Даже «волчары», которые используют ее содержимое для согласованных с шефом расходов практически постоянно, могут только догадываться об этом!

А процедура ее вскрытия незамысловата: сказал Елене Никоновне нужную тебе цифру, она проверила точность твоей памяти в коротком разговоре с шефом – подожди.

Елена Никоновна выходит из комнаты и через 10–15 минут возвращается. Молча кивает тебе, и ты подходишь к ее столу.

– Пересчитайте, Игорь Петрович, – тихо говорит она сакраментальную фразу.

И ты начинаешь счет, прикрывая корпусом производящие операцию руки. Но это тоже ритуальное действие – на тебя не только никто не обращает внимания, но, скорее, все специально стараются даже не смотреть в твою сторону – как говорится, «меньше знать – крепче спать»!

А в присутствии «чужих» такие операции вообще не производятся и бывает, что процесс выдачи командировочных затягивается на полдня. Вот и маешься, пока случайный гость не выпьет предложенную ему чашку кофе, не просмотрит все подготовленные для него бумаги, и даже не обсудит с Лидией Федотовной (если гость «солидного возраста», или Еленой Петровной (если ему «до сорока»)) какие-нибудь ностальгические воспоминания о «чудесном голосе Муслима Нагоняева» или не поговорит об очередном хите «очаровашки из „Ласкового Июня“».

Но вот все деньги у меня на руках и я бегу в кассу «Аэроэскадры». Конечно, теперь это уже только условное понятие – в кассе продают билеты десятков авиакомпаний, среди которых «Аэроэскадра» – далеко не самая важная, но по-прежнему «самая привычная» и ставшая именем нарицательным для любой авиакомпании.

Касса находится в нашем же здании двумя этажами ниже. Так что не приходится одеваться и испытывать на себе все коварные шутки сегодняшнего мороза.

В кассе меня уже знают (не просто постоянный, а почти «штатный клиент»). И процедура идет упрощенная.

– Куда летим, Игорь Петрович? – спрашивает меня кассирша, даже не требуя паспорта – мои «реквизиты» давно сидят в ее компьютере в папке «VIP-клиенты».

– В Амгарск, Клавдия Свиридовна!

– Когда?

– Завтра!

– Как всегда – лучше с утра и из «Домопапова»?

– Конечно, Клавдия Свиридовна, в моем возрасте привычек не меняют.

– Ой ли, Игорь Петрович? – лукаво говорит она, – а кто в прошлом году никуда, кроме Волглого и не летал?

– Привычки привычками, а мы люди подневольные, – ей в тон отвечал я, – скажет шеф в Волглый – летим в Волглый, а скажет – в Сингапур, полетим и в Сингапур!.. Только что-то мало надежды на такую его милость.

Старинный, ещё игольчатый принтер кассового компьютера долго трещит и вибрирует так, что отдается в зубах, если не убрать руки с кассового прилавка.

Тут у Клавдии Свиридовны зазвонил телефон. Она взяла трубку:

– Алло? Да! Да, я, Мефодий Филиппович! Про кого? Хорошо, Мефодий Филиппович! Конечно, Мефодий Филиппович! Обижаете, Мефодий Филиппович – не первый день здесь сижу, понимаю!..

Но я не обратил никакого внимания на эту ее трескотню по телефону, поскольку именно в этот момент (вероятно, от дурацкой вибрации игольчатого принтера), мои очки, которые я держал в руках, вдруг упали на пол! Ситуация, конечно, банальная, но я и «пою простые приключения».

Одна дужка осталась в сжимавших ее моих пальцах, а оправа со второй дужкой, ударившись о плинтус кассовой стойки, отскочила под ноги стоявшему за мной, (судя по бэджику, пришипленному к лацкану его пиджака), представителю фирмы «Кондом и сыновья».

Представитель вздрогнул, но удержался в исходном положении и не сделал убийственного для очков шага. Я бросился на выручку своим линзам и инцидент был исчерпан. Но винтик от дужки я – увы! – потерял. Хорошо, что дома у меня были запасные очки, а до конца рабочего дня времени оставалось уже совсем мало.

Наконец, билет готов, деньги с неизменно прилагаемой шоколадкой переключиваются сквозь окошечко в руки Клавдии Свиридовны, а билет – в мои, и, напутствуемый в спину традиционным: «Летите голубем, а прилетайте соколом!», я возвращаюсь «в контору» за бумагами: подготовленными и отпечатанными проектами Договора о поставках, Графиком платежей, Паспортом качества продукта, Справкой о присвоении нам ИНН и ещё кучей документов, которые заботливая Елена Никоновна уже сложила в отдельный файл.

Я вбежал в комнату за две минуты до конца рабочего дня. Все уже сидели за столами, поглядывая то на ручные, то на большие настенные часы и с нетерпением ожидали, когда из динамиков «оперативной связи» раздастся столь желанная сейчас команда:

– Все по домам!

Мое появление вызывает легкую досаду. Понятно почему! Ведь у всех на руках (ну, конечно, не буквально – в руках такие вещи долго не держат – в кошельках, карманах, сумках) полученная сегодня «зарплата». И все предвкушают, говоря строгим юридическим языком, начало процесса «распоряжения полученными средствами», а теперь придется подождать, пока шеф не совершит обряда моего напутствия.

Я сочувственно оглядел коллектив, решительно подошел к двери кабинета, нажал кнопку, и спросил:

– Можно, Василь Василич?

Замок двери щелкнул, и я услышал:

– Заходите, Игорь Петрович!

Сегодня и сам шеф куда-то спешил. «А вдруг и он, как и все мы, тоже ждал этого дня и теперь тоже спешит „распорядиться зарплатой“?», – вдруг пронзила меня нелепая догадка. Не знаю, настолько ли его божественная ипостась вочеловечилась, чтобы моя догадка имела под собой хоть какие-то основания, но процедура напутствия сегодня была сведена к минимуму.

Он перевернул и отложил в сторону столь многострадальный за сегодняшний день листок с «явками и паролями» (не все, значит, сегодня «отоварились» и завтра у Елены Петровны будет работа по обеспечению ароматным кофе каких-то «важных гостей»), взглянул на меня, на папку с бумагами, которые я принес ему «для ознакомления» и сказал:

– Вы мальчик большой. Что я буду у вас в бумагах орфографию править! Сами написали, сами и зеленейте, если где ошиблись! Билеты взяли? На завтра? Ну, и в добрый путь, удачи вам!

Он вышел из-за стола, сам прошел разделяющее нас расстояние, крепко пожал мне руку, ещё раз пристально глянул в глаза, и решительно выпроводил из кабинета:

– Идите!

Уже перед дверью я услышал:

– И не забудьте позвонить мне, когда прилетите! Я же волноваться буду!.. – это он сказал с искренней теплотой и озабоченностью. А потом, уже с металлом в голосе, в микрофон:

– Все по домам!

Когда я открыл изнутри дверь кабинета, выходная дверь из комнаты уже почти закрылась, и в оставшуюся щелку в коридор я успел увидеть только опушку дубленки Елены Петровны, которая убежала последней, видимо, на минутку задержавшись у зеркала, висящего рядом с выходной дверью, чтобы поправить линию губ своей любимой помадой Seaside rose. (Не вполне, кстати, соответствующей, как мне кажется, сезону...)

Глава 14

Об ужении рыбы и его связи с семейными проблемами, птичьим ресторане, проблемах зимней моды и коварстве Госгидромета, архитектурных стилях, а также о антитеррористических проблемах городского хозяйства.

*Пора домой! Не опоздать бы мне,
Не заперты ль ворота на запор?
И огонек мерцает ли в окне,
Маня к себе усталый, грустный взор?*

– Я вам говорю, мороз будет таким, что лед и снег не помешают хорошую сытую щуку по её желудку за 10 метров безлунной ночью увидеть! – сообщил я свое мнение о предстоящей погоде Борису, нашему рыбаку-секьюрити, когда он спросил меня на выходе о том, что же пишут о погоде в Интернете.

– Жалко, что меня не будет, когда вы вернетесь с рыбалки и будете хвастать, как эта самая щука, когда вы за жабры вытащили ее из лунки, сказала вам человеческим голосом: «Борис, ты не прав!», – добавил я.

– А почему? – спросил он.

– Да вот, улетаю завтра в командировку, – ответил я не уточняя – куда. Такие «уточнения» считались у нас «утечкой информации» и не поощрялись шефом. Да я уже и привык не болтать лишнего.

А «рыбная тема» была у нас с Борисом постоянной. Дело в том, что он, как я уже упоминал, работал в режиме «сутки-трое» и в эти «трое» одни – отсыпался, а двое проводил где-

нибудь на подмоковном озере или речушке – и себе доставлял удовольствие, и жену радовал экономией семейного бюджета по статье «продукты питания», отчитываясь перед ней за свои добровольные «командировки» пойманными окунями, красноперками и прочими представителями рыбного племени, ничуть не смущаясь тем, что почти все они были персонажами из «Зелёной книги рыб Моковской области».

Правда, жена его, в минуты раздражения и выяснения отношений, порой со злобой говаривала, что эта «экономия» на «продуктах питания» сильно перекрывается увеличением затрат по статье «командировочные и прочие расходы», напирая особенно на «прочие».

Но он в таких случаях тут же переходил в контрнаступление, требуя раскрытия секретной методики подсчета «этих самых прочих расходов» и экономического обоснования появления на вешалке в прихожей новой синтетической шубки «под шемшелей», поскольку в платяном шкафу висела ещё вполне приличная, на его взгляд, точно такая же, только «под бобра».

Полузнакомые люди достаточно легко обмениваются своими семейными секретами, справедливо полагая, что «ворон ворону глаз не выклюет», а «счастливых семей», как их понимает князь Лев Николаевич Крупный, просто не бывает. Поговорку о взаимоотношениях вражеских я в последнее время мысленно связываю с одной сценкой, которую наблюдал прошлым летом.

Дело было возле рынка. Я сидел в нашей «Шмиве» с Джимом и ожидал, пока Нателла купит необходимые нам на даче огурцы (Наши грядки в том году ломились от кабачков, а вот огурцы не уродились). На тротуаре стояло пластиковое инженерное сооружение гигиеничного белого цвета с неоловой дверью, обеспечивающее действительно уединенное «облегчение» всего за червонец.

Летняя жара делает излишней электропроводку для питания системы обеспечения ее непрозрачности, так что будка стояла очень удобно – рядом с лотками, где молоденькие узбечки из Намангана целый день торгуют сладкой черешней.

Рядом с кабинкой, сидя на складном стульчике, читала газету то ли владелица, то ли ее хорошая знакомая (такие «хлебные места» незнакомые получить не могут просто «по определению») – «бизнес-вумен» приличествующего этой работе преклонного возраста.

К кабинке подошла одна из продавщиц, которая годилась ей не то что в дочки – в правнучки! Одной рукой девчонка потянула ручку двери, а другую, с зажатым в кулачке червонцем, протянула «бизнес-вумен». Та глянула на худенькую фигурку «товарища по цеху» в чуть грязноватом риновом фартуке (обе ведь были торговками!) и, ленясь оторваться от стула, снисходительно сказала:

– Ну, ладно... – давая понять, что «со своих» она за облегчение денег не берет.

Однако у девчонки была «собственная гордость» – она успешно («как взрослая!») торговала с утра и осознавала себя «обеспеченной женщиной». Поэтому, отпустив ручку кабинки, она сделала шаг к хозяйке заведения и с вызовом произнесла:

– Да ладно! – столь же ясно и однозначно отказываясь от «блата».

Забавным было то, что обе не понимали мотивов поведения друг друга. Старуха оказывала ей любезность именно как торговке, а девчонка отказывалась от оскорбительной льготы (бесплатно, согласно вывешенному на кабинке объявлению, в нее могли попасть только дети и Кавалеры ордена «За заслуги перед Отечеством» не менее чем второй степени).

Почему-то именно эта идиллическая картинка всякий раз всплывает в моей памяти, когда я оказывался в ситуации общения с малознакомыми, но дружелюбно настроенными ко мне людьми. Кстати, я так и не знаю, чем она завершилась – в тот момент Нателла как раз подходила к машине с сумкой, из которой над грудой кабачков торчали ещё и две колбасные палки, не произраставшие на наших дачных грядках, а потому всегда желанные, и я отвлекся от судьбы помятого червонца...

Услышав от охранника слово «бобр», я напомнил ему с детства знакомый пассаж из знаменитой поэмы Николая Нелакова «Когда по росе выть хорошо?..»:

Бобра не скроет толстый лёд,
Глазастый всяк его найдет!
И средь крестьянского добра
Тулуп из зимнего бобра —
Обыкновеннейшая вещь...

Очень он меня благодарил за эту цитату из классика, которую решил использовать при очередном обсуждении исполнения своего семейного бюджета.

– И ведь нам, «хрестьянам-рассеянам», и вправду бобр приличнее, чем заморские «шинеля из шемшелей»! Пусть подумает об этом! – хмыкнул он и подал мне журнал и авторучку.

Я, исполняя дурацкий пустой ритуал, которого избежал утром по причине ранней явки Ильи, механически расписался в его «вахтенном журнале» в том, что помещение под охрану сдал, а он ключи от меня принял и сунул авторучку как раз в тот карман, где лежали «сданные ключи».

Борис улыбнулся и сказал:

– А ручку вы верните – не моя она, казенная, Мефодий Филиппович под расписку в ведомости выдал.

Я, конечно, вернул этот «служебный инструмент охранного ведомства» ее «эксплуататору». Всё-таки дичь бюрократическая – копеечные предметы ставить на бухгалтерский учет! Да одной бумаги для учета разных авторучек, дыроколов и степлеров затратишь столько, что дешевле все эти мелочи людям «за бесплатно» раздать... Да, крепки и длинны наши совковые корни!

Пустота этого ритуала состояла в том, что ключи у охраны все равно были. Один комплект после установки дверей Самвел, шефовский водитель и нештатный наш завхоз, оставил на вахте в запечатанном металлическом стакане. Запечатана она была личной печатью шефа. Правда, за несколько месяцев ночного благополучия пластилин печати оплыл и нужно бы поставить ее заново, и Самвел говорил об этом Василию Васильевичу, но тот все забывал об этом пустяке.

А держали эти ключи на вахте именно на тот случай, что если произойдет какое-нибудь ЧП, как это однажды случилось, когда нас залили наши «верхние» соседи, можно было оперативно принять меры.

В тот раз меня, как самого близкого живущего, вызвали за полночь вскрывать затопленную комнату, и я появился через двадцать минут, но половина наших бумаг на столах уже успела превратиться в расплзающиеся грязные лохмотья. После этого и решили держать «дежурную» связку ключей от всех помещений у ночного охранника...

Я вернул Борису журнал со своим автографом, и пошел к лифту.

За спиной у меня прозвучали обыкновенные в таких случаях слова Бориса, который участливо спросил:

– Ничего не забыли? Проверьте, а то по такому морозу назад возвращаться и холодно, и пути не будет!

Я остановился и действительно проверил портфель – все ли бумаги на месте? Оказалось – все. Я достал из портфеля и прозрачные файлы с документами, и две непрозрачные с «лысыми» – одна для Александра Петровича, а в другой – мои командировочные. Молодец Елена Никоновна – хорошую она упаковку придумала!

Борис молча наблюдал за моими манипуляциями с извлеченными бумагами и по его лицу – круглому, рябоватому, с резкой, живой, почти оранжевой сеткой сосудов, желтевшей по мере того, как он веселел, расплылась довольная улыбка. Это определенно свидетельствовало о небезосновательности подозрений «благоверной» в том, что отсутствует он порой не только по причине клёва в лунке, да и на рыбалке бывает не один, а в компании какого-то Сенькибахуса.

Болтовня с секьюрити – это только минутная задержка на пути домой, к компьютеру, где меня уже ждал совершенно иной, манящий и желанный мир. Тот мир, в котором именно сегодня нужно было решить некоторые важные вопросы, поскольку уже завтра я на неделю должен был его покинуть – в Амгарске у меня не будет возможности «полазить по Интернету».

Но ведь из минут складываются часы! И следовало более серьезно отнестись к словам нынешнего партийного гимна, с отеческой строгостью призывающего: «Не думай о мгновеньях свысока!». Вспомнив это увещание, я заторопился к выходу из института.

... Я выхожу из стеклянной громады «НИИМотопрома» в круговерт метели зимнего вечера. Последний элемент его архитектурного декора – мощная бетонная плита нависающего над головой защитного козырька – спасает от снежного вихря разве что на секунду-другую.

Вихрь нарушил нормальную работу и у неподконтрольных администрации арендаторов-самозаселенцев: местные вороны устроили на козырьке нечто вроде «птичьего ресторана». Это весьма практично и свидетельствует о высоком «Ай-Кью» наших «серых» крылатых соседей по городской экологической нише. На крыше козырька птиц никто не беспокоит – кошкам там спрятаться негде, а породы летучих собак у нас так и не появилось, несмотря на жесткое давление естественного отбора, обусловленного резко возросшим поголовьем племени бродячих собак.

Увеличение их численности, кстати, никак не связано с каким-то изменением репродуктивной активности этой популяции в целом. Численность возросла за счет потерявших кров и миску каши «четвероногих друзей», которых многие «двуногие безрогие» в недавние времена заводили в качестве «воспитательного средства» для подрастающего поколения. А оно, это «новое поколение», т. е. «наша молодежь», побаловавшись с живой игрушкой, выбрало «Пепси» и все более активно переключается на разных заморских «тамагуччи», а чуть повзрослев – на интернет-игры с эротическим уклоном.

Выйдя из-под почти бесполезного «защитного козырька», я поднял голову, чтобы поправить сбившийся шарф. Там, в вышине, почти полнеба занимала гигантская, ярко сияющая электрическим светом стеклянная громада небоскреба, вырастающая на тускло светящихся, темно-красных от внутреннего тепла, бетонных параллелепипедах первых этажей института.

Но, конечно, не эта картина – самое привлекательное зрелище в такой холодный зимний вечер! Обычно я возвращаюсь не по протоптанной утром тропинке (которую за день успело основательно замести и для возобновления ее проходимости уже не было столько энтузиастов, как утром, когда дорога каждая минута), а по чуть более длинной, но гораздо более интересной дороге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.